

АНДРЕЙ ШАПОШНИКОВ

18+

ПРАКТИЧЕСКАЯ

КРИМИНАЛИСТИКА

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

Андрей Шапошников

**Практическая криминалистика.
Криминалистическая техника**

«Издательские решения»

Шапошников А.

Практическая криминалистика. Криминалистическая техника /
А. Шапошников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-538566-6

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Криминалистика — интересная наука, в ней много
таинственного и загадочного, ее история — раскрытие и расследование
преступлений. Вас ждут разнообразные сложные задания: фотосъемка места
происшествия и следов, измерение дорожки следов ног и изготовление
гипсового слепка; дактилоскопия и исследование документов, составление
протоколов, фототаблиц, планов и схем. Если вы устали от стандартных
учебников, вас тянет в сон от нудных определений и непонятных
классификаций, тогда этот учебник для вас.

ISBN 978-5-00-538566-6

© Шапошников А.
© Издательские решения

Содержание

Вместо введения: Первая ошибка практикующего юриста или кому нужно знать криминалистику?	6
Глава 1. Опись и оформление материалов дела	10
Глава 2. О процессуальном оформлении применения технических средств	15
Глава 3. Некоторые тактические аспекты применения технических средств	28
Глава 4. Фотосъемка места происшествия. Начало	35
Глава 5. Фотосъемка места происшествия. Продолжение	45
Глава 6. Фотосъемка места происшествия. Окончание	56
Глава 7. Измерение, планы, схемы, зарисовки, или зачем юристу знать естественные науки	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Практическая криминалистика. Криминалистическая техника

Андрей Шапошников

© Андрей Шапошников, 2025

ISBN 978-5-0053-8566-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

УДК 343.98 (075.8)

ББК 67.52я73

Шапошников А. Ю. Практическая криминалистика. Криминалистическая техника. / А. Ю. Шапошников

Рецензенты:

Ермаков Д. В. Адвокат Палаты адвокатов Самарской области

Макаров Л. В. старший следователь отдела по расследованию бандитизма и организованной преступной деятельности следственной части ГСУ ГУ МВД России по Самарской области к. ю. н., доцент подполковник юстиции

Титаев К. Д. социолог, специалист по социологии права, ведущий научный сотрудник Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге.

Криминалистика – это интересная наука, в ней много таинственного и загадочного, ее история это история раскрытия и расследования преступлений. Вас ждут разнообразные сложные задания: фотосъемка места происшествия и следов, измерение дорожки следов ног и изготовление гипсового слепка; дактилоскопия и исследование документов, составление протоколов следственных действий, фототаблиц, планов и схем. Выполнить все эти задания непросто. Неминуемо возникают вопросы: «Что делать? Как? А главное – зачем?». Ответы на эти и другие вопросы не всегда можно найти в учебнике, но в этом может помочь грамотный следователь. Если вы устали от стандартных учебников, если вас тянет в сон от нудных определений и непонятных классификаций, тогда этот учебник для вас. Вместе со студентами, пытающимися подготовиться к зачету по криминалистике, и старым следователем вы найдете ответы на большинство вопросов, а заодно примите участие в расследовании серии загадочных убийств.

Вместо введения: Первая ошибка практикующего юриста или кому нужно знать криминалистику?

О роли и значении криминалистики написано во множестве диссертаций, монографий, учебных пособий и статей, но почему-то только самими учеными-криминалистами. О криминалистике как о юридической науке презрительно отзываются цивилисты, административисты, да и специалисты в области уголовного права и процесса, что греха таить относятся к данной науке как к «техническому разделу» уголовного процесса. В отечественной правовой системе, куда автор включает не только правоохранительную и судебную систему, но и систему юридического образования, сформировалось устойчивое представление о криминалистике как о специальной науке только для следователей и «немножечко» для прокуроров. Подобное представление привело к тому, что в проектах государственных стандартов криминалистику из числа обязательных дисциплин пытаются переместить в раздел дисциплин, изучаемых по выбору учащегося. Криминалистическая общественность срочно собрала международную конференцию, с тем, чтобы определить место криминалистики в системе правоприменения, но убеждали в этом опять самих себя¹. А убеждать надо не себя, а всю юридическую общественность, большая часть которой на самом деле не понимает – зачем нужна криминалистика.

История возникновения криминалистики тесно связана с уголовным процессом и расследованием преступлений. Данная наука действительно родилась как наука о расследовании преступлений, и именно так ее определяют практически все учебники и юридические справочники. Нет ничего удивительного в том, что юристы студенты, практики, ученые (не криминалисты) – воспринимают ее именно так, как она обозначена в учебниках, написанных самими криминалистами. Поэтому студент, желающий в дальнейшем специализироваться в области гражданского или арбитражного права, практикующий в этой области юрист, искренне считают, что «наука о раскрытии и расследовании преступлений» им не нужна. К такому же выводу приходят и адвокаты (к счастью не все), прокуроры (к сожалению, практически все) и судьи, полагающие, что криминалистику должны знать специалисты – следователи и эксперты-криминалисты. Виноваты в этом сами ученые-криминалисты, замкнувшиеся в своем криминалистическом мирке, считающие криминалистику только наукой о раскрытии и расследовании преступлений, обращающие внимание только на уголовное и уголовно-процессуальное право, оперативно-розыскную деятельность² и немножко юридическую психологию. В результате мы получили несколько поколений юристов, которые действительно не знают криминалистику именно потому, что считают данное знание ненужным.

Давайте посмотрим, действительно ли криминалистика – это специальная наука, знание которой необходимо только будущему или действующему следователю.

В криминалистической литературе можно встретить множество определений науки и ее предмета, в чем-то они совпадают, в чем-то нет. Анализ различных точек зрения занятие скучное и неблагодарное, поэтому мы остановимся только на одном, наиболее полном и точном, по мнению автора, определении криминалистики, которое было сформулировано Р. С. Белкиным.

¹ См. Криминалистика в системе правоприменения: Материалы конференции. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 27—28 октября 2008 г. – М.: МАКС Пресс, 2008.

² Во многих современных учебниках и статьях пишут оперативно-розыскная деятельность. Автор этих строк не силен в филологии, для него ОРД это в первую очередь – РОЗЫСК. Оперативно-розыскная деятельность накрепко связана с уголовным розыском (а не рАзыском), с людьми, подавляющее большинство которых, что бы ни говорили об этой службе, достойны уважения. Поэтому в этом учебнике мы будем говорить об оперативно-розыскной деятельности.

*Криминалистика – наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений*³.

Криминалистика возникла и развивается как наука, способствующая раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, именно это определено в качестве ее основной задачи. Используя криминалистические знания и навыки, следователь получает информацию о совершенном преступлении, восстанавливает действия его участников и дает им правовую оценку. Если в последнем высказывании заменить «следователь» на «практикующий юрист», а «преступление» на «юридически значимое событие», то мы получим схему действий любого юриста. Основу юридической практики составляют следующие действия:

- получение информации о событии из различных источников (клиенты и работодатели, обратившиеся граждане, свидетели, лица с противоположным интересом, документы и т.п.);
- проверка и анализ полученной информации – составление единой картины события с определением юридически значимых фактов;
- определение соответствующей правовой базы – выбор закона и правовой нормы;
- правовая оценка события (квалификация).

Профессия юриста независимо от его специализации, сводится к правильному применению закона к конкретной практической ситуации, которая была в прошлом, существует в настоящем или возможно произойдет в будущем. Для того чтобы правильно применить закон юрист должен располагать исчерпывающей, точной и достоверной информацией обо всех аспектах данной ситуации. Информацию юрист получает из различных источников – документов, непосредственных участников ситуации, в том числе имеющих собственный интерес, иногда скрытый. Следовательно, для правильного применения закона юрист должен уметь собирать, изучать, анализировать, сопоставлять и оценивать информацию.

Криминалистические знания, навыки, приемы и рекомендации могут и должны использоваться в рамках любой юридической деятельности.

На вопрос: «Назовите представителей юридической профессии, которым не нужны знания криминалистики?» – студенты чаще всего отвечают «юрисконсульт и нотариус». Действительно, на первый взгляд, эти две сферы юридической практики очень далеки от криминалистики, но... Юристы постоянно работают с поступающими к ним документами, на основе которых они принимают юридически значимые решения. Правильность решения во многих случаях зависит от юридической силы и подлинности документов, поэтому и юристы и нотариусы должны знать и уметь выявлять признаки материального и интеллектуального подлога. Юристы и нотариусы в процессе своей практической деятельности вынуждены получать информацию от людей. Следовательно, им необходимы знания и навыки, позволяющие устанавливать психологический контакт, получать и проверять вербальную и невербальную информацию в процессе расспроса, выявлять и разоблачать ложь. Правила работы с документами, виды, способы и признаки подделки документов изучаются соответствующим разделом криминалистики, который называется «Криминалистическое документоведение». Приемы и способы установления психологического контакта, получения и проверки вербальной информации, выявления и разоблачения лжи разрабатываются в разделе криминалистики, посвященном тактике проведения допроса и очной ставки⁴. Получается,

³ Белкин, Р. С. Курс криминалистики. В 3-х т. Т. 1: Общая теория криминалистики. / Р. С. Белкин. – М.: Юрист, 1997. С. 112.

⁴ Аверьянова Т. В. и др. Криминалистика: учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Е. Р. Россинская, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов. 3-е изд, перераб. и доп. лл. М. Нолрма, НИЦ Инфра-М, 2012; Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора. Р. С. Белкина. изд. 3-е перераб. и доп. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 2007.944 с; Бала-

юрисконсульту и нотариусу необходимы знания криминалистики и практические навыки их применения. Разумеется, это не значит, что юрисконсульт или нотариус вправе проводить следственные действия и использовать непосредственно все достижения криминалистики. Юрист должен знать и понимать пределы своей профессиональной компетенции и уметь адаптировать и видоизменять, с учетом специфики своей деятельности, криминалистические приемы и рекомендации, оставаясь при этом в рамках закона.

Любая юридическая практика несет в себе элемент расследования, а значит любой практикующий юрист в чем-то следователь. Криминалистика остается наукой, жестко ориентированной на интересы уголовного судопроизводства. Однако полученные ею знания могут быть с успехом адаптированы для любой деятельности, связанной с получением и анализом юридически значимой информации. По мнению автора, определение предмета криминалистики может быть дополнено и сформулировано следующим образом:

Криминалистика – наука о закономерностях механизма преступления или иного юридически значимого события, возникновения информации о событии и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средствах и методах исследования юридически значимых событий.

Проблема студентов и преподавателей в том, что даже самые лучшие учебники по дисциплине «Криминалистика» – это именно учебники, переполненные терминами и определениями, отражающие взгляд авторов на науку, учебную дисциплину, соответствующие учебным планам и образовательным стандартам. К сожалению, как и в большинстве учебников, в них нет жизни и почти совсем нет практики, они не помогают современному студенту создать систему знаний и навыков, позволяющую решать конкретные задачи, которые ставит перед ним юридическая практика. На множество вопросов, возникающих у студентов в процессе выполнения заданий по криминалистике, в таких учебниках просто нет ответа. Эта книга – попытка соединить учебный курс «Криминалистика» и теорию с юридической практикой, учебник с реальной жизнью. Получилось ли это – судить Вам, читатель.

Структура нашего учебника в целом повторяет структуру первого раздела традиционного курса «Криминалистика».

Полезную и интересную криминалистическую информацию можно найти в различных специальных и художественных книгах, а также фильмах. Если вам еще только предстоит начать изучение криминалистики, то начните с книг Юргена Торвальда. Посмотрите отечественные и зарубежные детективные сериалы «CSI», «Кости», «Место встречи изменить нельзя», «Государственная граница», «Рожденная революцией», «Ликвидация» и многие другие. Помните, новые учебники не всегда однозначно лучше старых.

Рекомендуемая дополнительная литература:

– Торвальд Ю. Век криминалистики. – М.: Прогресс, 1984.

– Торвальд Ю. Криминалистика сегодня. М., 1984.

– Торвальд Ю. Следы в пыли. М., 1982.

– Хок. Р. 40 исследований, которые потрясли психологию / Роджер Р. Хок. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 509, [3] с. (Психология – лучшее)

шов Д. Н., Балашов Н. М., Маликов С. В. Криминалистика: учебник. М.: ИНФРА-М, 2005. 503 с. (Высшее образование); Бастрыкин А. И. Криминалистика. Техника, тактика и методика расследования преступлений. Научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2011; Ищенко Е. П. Криминалистика: учебное пособие. Стандарт третьего поколения. С. Пб: Питер, 2013; Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика: учебник. М.: Контракт, 2005. 748 с; Ищенко Е. П., Филиппов А. Г. Криминалистика: учебник / под общ. ред. Е. П. Ищенко, А. Г. Филиппова, М.: Высшее образование, 2006. 743 с; Криминалистика: учебник для бакалавров / под ред Л. Я. Драпкина. М.: Юрайт, 2013; Криминалистика: учебник для вузов. / под ред. Н. П. Яблокова. М.: Юрайт, 2013; Криминалистика: учебник / под ред. А. Г. Филиппова. 3-е изд. перераб. и доп. —М.: СПАРК, 2005. – 750 С; Криминалистика: учебник / Под ред. А. П. Резвана, М. В. Субботиной и др. – М.: ЦОКР МВД России, 2006. – 328 с; Криминалистика: Учебник / Под ред. Н. П. Яблокова, – М.: Юристъ, 2005.– 718 с; Россинская Е. Р. Криминалистика: Учебник / Е. Р. Россинская. – илл. – М.: Норма Инфра-М, 2012; Филиппов А. Г. Криминалистика. Полный курс. Учебник для бакалавров. – М.: Юрайт, 2013.

– Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев/ Филип Зимбардо. пер. А. Стативка. – М.: Альпина нон-фикшн, 2013, 744 с.

Все персонажи и события являются вымышленными, любое совпадение не более чем случайность.

Глава 1. Описание и оформление материалов дела

Опись – это лицо любого дела, не важно, уголовное оно, гражданское или арбитражное. Именно с описи начинается знакомство с делом, с ее помощью ищут нужный документ, проверяют и опровергают доводы участников. Грамотно составленная опись – главный помощник любого юриста.

Сергей и Серафима, студенты 3-го курса юридического факультета, сидели в полутемном коридоре межрайонного отдела Следственного Комитета России по..., а, впрочем, какая разница, где расположен данный отдел. В отделе было тихо как в пустыне, только постовой на первом этаже, да гулкое эхо печальных всхлипываний Серафимы. Грустный Сергей пытался утешить девушку, но, если честно, у него не очень-то получилось.

– О чем печалимся, подрастающая смена? – поинтересовался Николай Валерьянович. Ребята были так увлечены своими переживаниями, что не услышали тихих шагов старого следователя.

– Зачет по криминалистике не сдали, – убитым голосом ответил Сергей.

– Вот как! – удивился следователь, – вы же у нас самые перспективные помощники, Виталий Анатольевич вас постоянно хвалит.

– Это все преподаватель, он к нам придирается, – сквозь слезы проговорила Сима, – весь отчет почеркал, сказал, что все неправильно.

– А когда мы спросили, что именно, – подхватил Сергей, – ответил, что на занятиях все объяснял, а на зачете повторять не будет.

– Мы теперь даже не знаем, что нам переделывать и как, а самое главное, мы все сделали как в настоящем уголовном деле, а он – «неправильно», – задыхнулась от возмущения Сима.

– Понятно, – протянул Николай Валерианович, – пойдете ко мне в кабинет. Вашего следователя сегодня не будет, весь отдел уехал на итоговое совещание в область, а я дежурю и пока не занят. Посмотрим ваши отчеты, может быть, что-нибудь и посоветую.

Собрав сумки, ребята пошли за старым следователем в его кабинет.

– Входите, – Николай Валерианович гостеприимно распахнул дверь, – одежду вешайте в шкаф, располагайтесь, сейчас чайник согреем, выпьем чайку, успокоимся и посмотрим ваши отчеты.

Ребята с удивлением оглаживали небольшой, но уютный кабинет, в котором раньше никогда не были. Если честно, им было немножко не по себе – старый следователь имел репутацию жесткого и непреклонного человека, всегда отстаивавшего свое мнение и не боявшегося резко ответить руководству любого уровня. Остальные следователи и руководство отдела относились к нему настороженно и часто не одобряли его поступков, но к мнению всегда прислушивались, и именно ему, как слышали ребята, всегда доставались самые сложные и запутанные дела.

Убрав одежду в шкаф, ребята расположились около огромного письменного стола, на котором стояло несколько органайзеров и стаканов с ручками и карандашами, монитор, принтер, настольная лампа, перекидной календарь, в дальнем углу примостилась старая портативная печатная машинка. У окна щелкнул невидимый чайник. Николай Валерианович поставил на стол сахарницу, вазу с конфетами и печеньем, стаканы в подстаканниках, заварочный чайник и потертую фарфоровую кружку.

– Ну вот, приступим, – следователь налил ребятам чай в стаканы и убрал электрический чайник на тумбочку, скрытую за столом.

– Пейте, пейте, вам надо успокоиться и согреться, – заметил Николай Валерианович. Забрав свою кружку, следователь сел за стол и с видимым наслаждением обхватил ее обеими ладонями.

– Сегодня очень холодно, – следователь осторожно попробовал горячий напиток.

Ребята пили горячий сладкий чай и успокаивались, обстановка кабинета и сам хозяин постепенно заряжали их уверенностью в том, что все прояснится и свой зачет они смогут получить рано или поздно.

– Ну вот, – казалось, что следователь почувствовал, как изменилось настроение ребят, – давайте посмотрим ваши отчеты и поищем ошибки.

– Можно? – поинтересовался он, протягивая руку к пухлой картонной папке, на которой четким Серафиминым почерком было написано «Отчет по лабораторным работам по дисциплине «Криминалистика», а выше красным маркером «Не зачтено».

– Да, пожалуйста, – Сима протянула свой многострадальный отчет, – я его всю ночь готовила, шивала, опись сделала, а препод все равно не зачел. Он сказал, что отчет по криминалистике должен быть оформлен как уголовное дело.

Сергей достал свой отчет, его обложка выглядела иначе, чем у Симиного. Кроме красной надписи «Не зачтено», маркером была зачеркнута часть текста, в графах «начато» и «окончено» вместо даты красовались знаки вопроса.

– Значит как уголовное дело, – улыбнулся Николай Валерианович, – сейчас и посмотрим. Следователь достал из сейфа коричневую папку уголовного дела и положил на стол рядом с отчетами. Это оконченное мною уголовное дело, – пояснил он, – вот мы сейчас и сопоставим.

На обложке четким почерком был выведен номер уголовного дела, фамилия, имя отчество обвиняемого и статья обвинения.

– Вот смотрите, – следователь указал на отчет Сергея, – у тебя фамилия в родительном падеже, а должна быть в именительном.

– Так отчет кого? – возмутился Сергей.

– Все правильно, отчет – «кого?», но вот тут у тебя написано – «выполнил», а это уже «кто?» именительный падеж, так что преподаватель прав, ты же не девушка, – спокойно разъяснил Николай Валерианович.

– Точно – не девушка, – улыбнулась Серафима, – вон и про даты начала и окончания тоже забыл.

– Так это же мелочь, – возмутился Сергей, – подумаешь, фамилия не в том падеже, и даты не поставил.

– Не согласен, – остановил его Николай Валерианович, – правильный падеж это важно, ведь обвиняемым может быть и женщина и мужчина, а ты вместо имени и фамилии только инициалы указал, вот и думай, кто отчет составил, ты или некая девушка с твоей фамилией и совпадающими инициалами. На обложке уголовного дела фамилия, имя и отчество обвиняемого всегда пишутся полностью и обязательно в родительном падеже. Это потому что уголовное дело по обвинению «кого?». У тебя же на обложке отчета написано «Выполнил:», а это уже «кто?». Так что исправляй.

Сергей недовольно заворчал, но спорить не стал.

– Даты начала и окончания производства в любом деле важны, – продолжил следователь, – вся юридическая деятельность построена на процессуальных сроках.

– Согласен, буду исправлять – печально вздохнул Сергей, и полез в сумку за зеленой ручкой.

– Преподаватель запретил переписывать протоколы, велел все ошибки исправлять цветными ручками, – печально пояснила Серафима в ответ на вопросительный взгляд следователя.

Пока Сергей исправлял текст на обложке, Николай Валерианович открыл Симин отчет. На первом листе располагалась таблица описи с гордой надписью: «Опись документов, нахо-

дящихся в отчете...», но внизу листа красовался красный вопросительный знак. Такой же знак обнаружился на первом листе описи у Сергея.

– Ну вот, и почему он тут? – спросила Серафима.

– Давайте посмотрим в мое дело, – улыбнувшись, предложил следователь, – странно, на первый взгляд все похоже.

– Ой, у вас тут подпись внизу страницы, как раз где знак вопроса, и на других страницах тоже, – заметила Серафима, переворачивая листы описи, – а зачем? В конце все равно написано кто составил опись.

– В любом судебном деле, и в уголовном и в гражданском, обязательно есть опись. Тот, кто ее составляет, всегда подписывает каждую страницу, тем самым заверяя, что опись проверена и составлена именно тем лицом, которое ведет дело. Это позволяет создать определенную защиту от подмены материалов дела. Технически от фальсификации и подмены документов подпись не защитит, но тот, кто захочет подделать материалы должен будет подделать и опись, и подпись, а это сложнее, чем просто заменить листы. Поддельную подпись легче выявить, благо сравнительных образцов подписи следователя в деле достаточно, практически в каждом документе.

– Значит отсутствие подписи на каждой странице описи – это ошибка, – заключил Сергей, рисуя зеленую подпись возле знака вопроса, и перевернул страницу. – А здесь что не так? Подпись же есть.

В его описи, перечень документов заканчивался на середине страницы, и сразу же на свободной строчке, красным маркером было написано «47. Конверт с 1000 долларов США. л.д. 153».

– Давайте посмотрим, как в настоящем уголовном деле, – робко попросила Серафима.

– Давайте, – согласился следователь, открывая последний лист описи.

В уголовном деле опись заканчивалась на второй строчке третьего листа, сразу же со следующей строки четким разборчивым почерком было написано: «*В настоящем уголовном деле пронумеровано, прошито и скреплено печатью 137 (сто тридцать семь) документов на 203 (двести трех) листах. Опись составлена старшим следователем...*». Дальше следовали все регалии следователя, его подпись и дата, сегодняшняя, как успел заметить Сергей. Ниже, на следующей строке: «*К уголовному делу прилагается конверт с паспортом обвиняемого*», дальше шли фамилия, имя, отчество обвиняемого, серия и номер паспорта, и опять подпись следователя. Еще ниже: «*К уголовному делу прилагается конверт, в который упакован диск DVD-R Verbatim серийный номер ZE3264 DVR J47C1 емкостью 4,7 GB, на который записано 3 (три) видеофайла общим объемом 2,3 GB и 29 (двадцать девять) фотоснимков общим объемом 1,4 GB*». Далее следовали регалии следователя, подпись и дата. Текст заканчивался примерно на половине листа описи, ниже шли свободные чистые строчки, следующий лист был пустым бланком описи.

– Николай Валерианович, а почему у Вас осталось пустое место, и вообще пустой лист? – поинтересовался Сергей.

– Тут все просто, следователь собирает только первую часть уголовного дела – результаты предварительного расследования. Потом дело передается прокурору, который принимает решение – направить его в суд или вернуть следователю. Потом дело принимает к производству судья, назначает заседание, проводит судебное следствие, составляет протокол судебного заседания, приговор. Если поступают жалобы, то дело переходит в следующую инстанцию. На каждом этапе составляются документы, которые подшиваются в уголовное дело, опись дополняется. Поэтому в любом судебном деле, когда оно сшивается впервые, в опись вставляются чистые листы, а подписи и пояснения пишут сразу со следующей строки. В описи не должно быть пустых строк выше подписи следователя, иначе кто-нибудь может вписать нужный ему документ, и сказать, что он был в деле, а теперь его нет. Уголовное дело не всегда находится под

жестким контролем, на разных стадиях процесса с ним знакомятся практически все участники процесса, у каждого есть свой личный интерес, и не стоит искушать их лишней раз.

– А все эти пояснения про то, сколько документов подшито и сколько листов, про паспорт и диск – они тоже для защиты материалов дела? – уточнил Сергей.

– Не только, – улыбнулся следователь, – но и для сведения тому, кто будет знакомиться с делом. Он сразу увидит – что еще есть в деле. Профессиональный участник процесса сразу понимает – где и что ему нужно смотреть.

– Значит, у меня нашлась еще одна ошибка, – резюмировал Сергей, – точнее не одна, а сразу три.

– Николай Валерианович, а почему у меня все перечеркнуто, – робко спросила Сима, – я же про документы и листы дела, и про диск написала.

– Да, интересно, что же не понравилось вашему преподавателю, – задумался следователь, – а давайте глянем на заднюю сторону обложки?

Перевернув отчет, следователь внимательно изучил тексты на конверте и листочке бумаги, которым были закреплены нитки подшивки.

– Вот смотри, Серафима, тексты, которые написаны на обложке и конверте с диском, не совпадают с теми, что написаны в описи.

– Ну и что? Подумаешь не совпадают дословно, суть же передана верно, – попробовал заступиться за Серафиму Сергей.

– Значит не существенно? – Николай Валерианович хитро прищурился, – тогда скажи мне, пожалуйста, а тот ли это конверт, который указан в описи или другой? Может быть в описи написано про совсем другой конверт? Текст-то не совпадает. Достаточно одному участнику процесса заявить об этом, и что прикажешь делать судье?

– Допросить следователя о том, тот или не тот конверт указан в описи, – Сергей явно растерял весь свой напор.

– А устранит ли этот допрос сомнения в подлинности конверта и его содержимого? – настаивал следователь.

– Нет, сомнения все равно останутся, – вздохнула Сима, – а любые сомнения толкуются всегда в пользу подсудимого.

– Правильно, – старый следователь был явно доволен, – поэтому в уголовном деле все должно быть построено так, чтобы ни в чем не возникало сомнений, а главное не возникало вопросов к следователю и сомнений в законности, точности и обоснованности его действий. Опись – это лицо любого судебного дела, в ней не должно быть ошибок, исправлений, и она должна точно соответствовать названию каждого документа.

– Николай Валерианович, а можно в описи сокращать названия документов?

– Можно, но только так, чтобы документ можно было легко идентифицировать и найти. Опись нужна не только для того чтобы подтвердить наличие документа в деле, но и облегчить его поиск. Если в деле один протокол осмотра места происшествия, то его можно обозначить просто: «протокол ОМП», хотя лучше указать еще и дату его составления. Вот если протоколов несколько, и все они с одинаковой датой, тогда нужно указывать и иные признаки, например место проведения. Когда в описи указывается протокол допроса, то нужно указать процессуальный статус лица, фамилию и инициалы, при наличии совпадений приходится указывать год рождения, или полностью расписывать имя и отчество. Главное, чтобы опись отвечала всем своим задачам, – подвел итог следователь.

– А где ставится номер листа? – поинтересовалась Сима.

– В уголовном деле номер листа всегда ставится в правом верхнем углу.

– А почему у вас в середине листа? – и Серафима указала на лист протокола в уголовном деле.

– Тут два номера, – улыбнулся следователь, – в правом углу номер листа дела, а в центре номер листа протокола. Если в протоколе несколько листов, то сразу при составлении каждый следующий лист нумеруется. Номер пишется в центре, а под ним пояснение, что это второй, третий и так далее лист соответствующего протокола.

– Вот посмотри, – Николай Валерианович показал сначала на цифру в правом верхнем углу листа, а затем на середину, где под цифрой «-2-», было написано: «*продолжение протокола допроса свидетеля...*» фамилия и инициалы свидетеля и дата.

– А зачем нужен еще один номер? – удивился Сергей.

– Этот номер пишется сразу при составлении протокола, лист начинается именно с него, нужен он для того, чтобы листы протокола между собой не перепутались, особенно при подшивке дела.

– Точно, – рассмеялась Сима, – ты же сам говорил, что в протоколе осмотра перепутал третий и четвертый листы, – поддела она Сергея.

– Да уж, – насупился тот, – теперь придется все листы в протоколах проверять и подписывать, а я там места совсем не оставил.

– Ну вот, немного и разобрались в ваших ошибках, – Николай Валерианович посмотрел на часы, – вам пора домой – ошибки исправлять, а мне в стационар ехать, там потерпевшая должна от операционного наркоза отойти, да и врачей допросить нужно. Так что приходите завтра, посмотрим, что еще вашему преподавателю не понравилось.

Глава 2. О процессуальном оформлении применения технических средств

Когда на следующее утро Сергей и Серафима собрались зайти к старому следователю, они увидели, что на двери кабинета висит табличка, на которой огромными красными буквами написано: «НЕ ВХОДИТЬ! ТИХО! ИДЕТ ВИДЕО (АУДИО) ЗАПИСЬ!». Еще одна табличка поменьше закрывала ручку двери. При них к двери подлетел оперативник убойного отдела и, не глядя, попытался ее открыть, но замер, когда его рука схватилась за ручку двери. Сначала оперативник озадаченно изучал табличку, висевшую на ручке, и только потом увидел большую табличку на двери. Удивленно покачав головой, опер тихо отправился дальше по коридору.

– Зайдем позже, – решительно заявил Сергей, и ребята отправились к «своему» следователю, который загрузил их работой – сшивать на специальном станке трехтомное уголовное дело и составлять опись. Еще вчера, ребята считали эту работу «скучной и муторной», а сегодня внимательно изучали очередность документов и листов, и даже нашли перепутанные местами листы в протоколе очной ставки, чем сильно озадачили следователя.

После обеда Сергей увидел, что грозная табличка исчезла с двери кабинета Николая Валериановича, и поспешил обрадовать Серафиму. Отпросившись, ребята робко подошли к двери кабинета и постучали.

– Входите, молодежь, не заперто – позвал Николай Валерианович.

– А как вы узнали, что это мы? – удивленно спросил Сергей, распахивая дверь.

– Потом как-нибудь объясню, – улыбнулся следователь, – проходите, располагайтесь.

В кабинете кроме следователя находился солидный мужчина в дорогом костюме. Он явно с комфортом расположился за маленьким столиком, на котором лежало несколько томов уголовного дела, планшет и стоял стакан с чаем.

– Знакомьтесь, – следователь указал ребятам на мужчину, это Вячеслав Анатольевич – адвокат, а это помощники следователя – Сергей и Серафима.

– Очень приятно, – адвокат пожал руки ребятам и вернулся за столик. Николай Валерианович, – обратился он к следователю, я посмотрю материалы и сфотографирую только те документы, которые мне необходимы сейчас, чтобы подготовить ходатайство. Завтра утром я привезу ходатайство и сотрудников нашего бюро, чтобы они сфотографировали все дело.

– Разумеется, – кивнул следователь, – завтра мы с вами должны оформить протокол ознакомления с материалами дела.

– Отлично – адвокат углубился в изучение дела.

– Ну, молодежь, – следователь повернулся к ребятам, – давайте посмотрим, что у вас.

Ребята выложили на огромный стол объемные папки своих отчетов.

– Криминалистика, узнаю, и с содроганием вспоминаю свои мучения, – улыбнулся адвокат, но вновь вернулся к своему делу, внимательно изучая очередной документ и активируя режим фотосъемки в планшете.

– Так что у нас на очереди? – поинтересовался у ребят Николай Валерианович.

– Протокол осмотра места происшествия, схемы и фототаблица. Мы считали, что все сделали правильно, но вот преподаватель почему-то думает по-другому.

В обоих отчетах протоколы были почерканы красным маркером, тут и там красовались вопросительные знаки, схема университета была перечеркнута крест-накрест, распечатанные на обычной бумаге фотографии выглядели не лучше.

– Мы все сделали правильно – вот схема университета, это схема места происшествия, панорама, обзорная фотосъемка, узловая, детальная, все как в учебнике написано, а он... – обиженно высказалась Сима.

– А каким было ваше задание? – поинтересовался следователь, внимательно изучая протоколы и приложения.

– Нам определили место происшествия, одно на двоих, у нас крыльцо юридического факультета. На месте происшествия нужно было оставить два предмета, а потом провести фотосъемку, составить протокол осмотра места происшествия и схему – объяснил Сергей.

– Точнее преподаватель сказал, что схем должно быть две: одна территории университета, а вторая самого места происшествия с расположением предметов, – дополнила Серафима.

– Тогда давайте пойдем по протоколу, – предложил следователь.

В графе «с участием» в протоколах у ребят под красным маркером читалось «эксперта-криминалиста к-на полиции Иванова В. В.»

– Правильно же написано! – воскликнула Сима. – И вообще, зачем нас заставляют все это учить, ведь на месте происшествия все следы ищет эксперт, и он же фотографирует.

– Вот как! – улыбнулся Николай Валерианович, – а ты, Сергей, как думаешь?

– Я согласен с Симой.

– А я нет, – неожиданно не выдержал адвокат. – На месте происшествия нет, и не может быть эксперта.

– Правильно, – поддержал его следователь, – согласно УПК эксперт появляется когда?

– Когда назначена экспертиза и вынесено соответствующее постановление, – сообразила Серафима.

– Точнее, когда эксперт принял экспертизу к исполнению, – добавил Сергей.

– Точно, – адвокат и следователь кивнули одновременно.

– У нас должно быть написано специалист, – обрадовалась Сима.

– А он у вас был? – с улыбкой прервал ее следователь.

– Нет, но так же всегда пишут, – Сергей поддержал подругу, – и вообще, следователь не может сам фотографировать и следы искать.

– Как не может? – притворно испугался следователь, а адвокат искренне рассмеялся.

– Вот так, не можешь, ты, Николай Валерианович, фотографировать сам, это может делать только специалист.

– А если специалиста нет? Тогда как? – обратился следователь к ребятам, – Ждать?

– Наверное, – Сергей быстро утрачивал свою уверенность.

– А как по закону? – подсказал адвокат.

– Не помню, – смутился Сергей.

Ребята полезли в сумки за УПК, улыбающийся следователь вынул из ящика стола свой, а адвокат вернулся к делу. Расстроенные ребята поняли, что он точно знает, как на этот вопрос отвечает текст закона.

– Какие статьи будем искать? – поинтересовался следователь.

– Про специалиста, протокол следственного действия, там про применение технических средств говорится, а еще про осмотр и протокол осмотра, – наперебой затараторили ребята.

– Ну так, вперед, – одобрил Николай Валерианович, – если не уверен всегда смотри закон, и если уверен, все равно сначала смотри закон.

– Первое правило практикующего юриста, – поддержал адвокат.

Ребята углубились в чтение уголовно-процессуального закона.

<p>Статья 57. Эксперт</p> <p>1. Эксперт - лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения.</p>
<p>Статья 58. Специалист</p> <p>1. Специалист - лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, <u>для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств</u> в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.</p>
<p>Статья 83. Протоколы следственных действий и судебного заседания</p> <p>Протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным настоящим Кодексом.</p>
<p>Статья 166. Протокол следственного действия</p> <p>4. В протоколе описываются процессуальные действия в том порядке, в каком они производились, выявленные при их производстве существенные для данного уголовного дела обстоятельства, а также излагаются заявления лиц, участвовавших в следственном действии.</p> <p>5. <u>В протоколе должны быть указаны также технические средства, примененные при производстве следственного действия, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены, и полученные результаты. В протоколе должно быть отмечено, что лица, участвующие в следственном действии, были заранее предупреждены о применении при производстве следственного действия технических средств.</u></p> <p>8. К протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственного действия, а также электронные носители информации, полученной или скопированной с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия.</p>
<p>Статья 168. Участие специалиста</p> <p>1. Следователь <u>вправе привлечь к участию в следственном действии специалиста</u> в соответствии с требованиями части пятой статьи 164 настоящего Кодекса.</p> <p>2. Перед началом следственного действия, в котором участвует специалист, следователь удостоверяется в его компетентности, выясняет его отношение к подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему, разъясняет специалисту его права и ответственность, предусмотренные статьей 58 настоящего Кодекса.</p>
<p>Статья 176. Основания производства осмотра</p> <p>1. Осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения,</p>

предметов и документов производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

2. Осмотр места происшествия, документов и предметов может быть произведен до возбуждения уголовного дела.

Статья 180. Протоколы осмотра и освидетельствования

1. Протоколы осмотра и освидетельствования составляются с соблюдением требований настоящей статьи, [статей 166 и 167](#) настоящего Кодекса.

2. В протоколах **описываются все действия следователя, а также все обнаруженное при осмотре и (или) освидетельствовании в той последовательности, в какой производились осмотр и освидетельствование, и в том виде, в каком обнаруженное наблюдалось в момент осмотра и освидетельствования.** В протоколах перечисляются и описываются все предметы, изъятые при осмотре и (или) освидетельствовании.

3. В протоколах также должно быть указано, в какое время, при какой погоде и каком освещении производились осмотр или освидетельствование, **какие технические средства были применены и какие получены результаты, какие предметы изъяты и опечатаны и какой печатью, куда направлены после осмотра труп или предметы, имеющие значение для уголовного дела.**

– Получается, что следователь сам может применять фотосъемку и технические средства, – резюмировала Сима, – а специалиста привлекает в том случае, когда считает это необходимым.

– Правильно, следователь должен уметь сам применять технические средства, в фотосъемке или поиске следов нет ничего настолько сложного, чтобы требовало специальных знаний.

– Верно, – поддержал его адвокат, – когда я учился на юрфаке, там в лаборатории на стене висел плакат, на котором было написано: «Искусство – это жизнь. Фотография – это искусство, которым должен владеть каждый грамотный юрист». Фотосъемка нужна не только следователю, но и адвокату. Например, по делу о повреждении транспортных средств, когда идет спор о том кто виновен или о стоимости ремонта, грамотно сделанные фотоснимки помогают подтвердить или опровергнуть требования.

– Применение технических средств, – очень серьезно заметил следователь, – не только должно быть оформлено в соответствии с требованиями закона, но и обоснованно с точки зрения всего процесса расследования по делу.

– Это как? – удивился Сергей, – я думал, что применять нужно все что есть.

– Ни в коем случае, – голос следователя стал строг, – давайте пойдём по порядку, и начнём с процессуального оформления, тем более что в ваших учебных протоколах полно ошибок.

– В соответствии с ч. 5 ст. 166 УПК РФ до начала следственного действия следователь должен предупредить о том, что в ходе следственного действия будут применяться технические средства, и указать какие именно, – менторским тоном начал следователь, – что у вас?

В протоколах у ребят в соответствующем разделе под красным маркером читалось «фотоаппарата».

– Мы же указали, что будет применяться фотоаппарат, – возмутился Сергей, – значит все правильно.

– Не совсем, – улыбнулся следователь, – а какой именно фотоаппарат применялся, цифровой или аналоговый? Марка? Модель? Технические характеристики? Какой был объек-

тив, с какими параметрами? Как сохранялись фотоснимки, на пленку, диск или флешкарту, с какими параметрами?

Ошарашенные лавиной вопросов ребята сконфуженно молчали.

– А как мы все это узнаем? – огорченно спросила Серафима.

– А вы на фотоаппарат смотрели? – поинтересовался следователь.

– Да вот он, – Серафима достала из сумки компактную фотокамеру.

– Ой, сколько на нем написано, – удивилась девушка, вытряхнув фотоаппарат из чехла, – а это все действительно нужно?

– Технические параметры фотоаппаратуры необходимы для того, чтобы потом можно было проверить достоверность фотоснимков, и, при необходимости, исследовать их изображение в рамках фото-технической или иной криминалистической экспертизы, – пояснил следователь. – Данные о флешкарте нужны для последующего отслеживания судьбы фотоснимков. В особо сложных и важных случаях флешкарта просто изымается в конце осмотра и приобщается к делу.

– А разве можно исследовать фотоснимки? – удивился Сергей.

– Можно, а иногда это единственный выход, – пояснил следователь, – например, если сами следы по каким-то причинам были повреждены или уничтожены. Однажды автомашина, на которой следственно-оперативная группа возвращалась с места происшествия, попала в сильную аварию. Гипсовые слепки и дактопленки были сильно повреждены, но фотоаппарат и кассета с фотопленкой не пострадали, поэтому на экспертизы были направлены фотоснимки следов.

На минуту в кабинете повисла пауза, ребята переваривали полученную информацию, следователь погрузился в воспоминания, только адвокат продолжал методично переворачивать листы уголовного дела.

– Итак, давайте посмотрим, что должно быть написано в протоколе, – предложил Николай Валерианович и ребята обрадованно потянулись за ручками.

– Только сначала внимательно прочитайте бланк, и обратите внимание на подстрочник, – предостерег их следователь.

– Лица, участвующие в следственном действии, были заранее предупреждены о применении при производстве следственного действия технических средств, – прочла Сима.

– Каких именно и кем именно, – дополнил Сергей, – это в подстрочнике написано.

– Получается, что в этом разделе нужно написать так: *«Следователем будет осуществляться фотосъемка с помощью цифрового фотоаппарата Nikon Coolpix с разрешением 16,0 МР с жестковстроенным объективом NIKKOR 6X WIDE OPTICAL ZOOM VR с фокусным расстоянием 4,6—27,6 мм»*, – продиктовал следователь, поясняя, что именно значат надписи на корпусе фотоаппарата. (Рис. 1)

– Только фамилию и инициалы следвателя указать не забудьте, – добавил Николай Валерианович, – а также данные флешкарты: вид, название, емкость и серийный номер.

– А как мы их узнаем? – поинтересовался Сергей.

– Вынимаете карту и читаете что на ней написано, только с номером иногда бывают проблемы, его не сразу найдешь.

Ребята открыли фотоаппарат, достали флешкарту и стали ее изучать. Тип карты, ее название и емкость они увидели сразу, а вот номер пришлось поискать, он был выполнен на оборотной стороне карты и действительно трудно различим, но они справились (рис. 2—4).

Рис. 1

На корпусе фотоаппарата можно найти его марку и модель, серийный номер, разрешение (в данном случае фотоаппарат Nikon Coolpix S 3300 с разрешением 16 Мегапикселей). Объектив фотоаппарата бывает жестковстроенный (как в данном случае) или сменный. На корпусе объектива можно найти информацию о его марке, модели и технических параметрах.

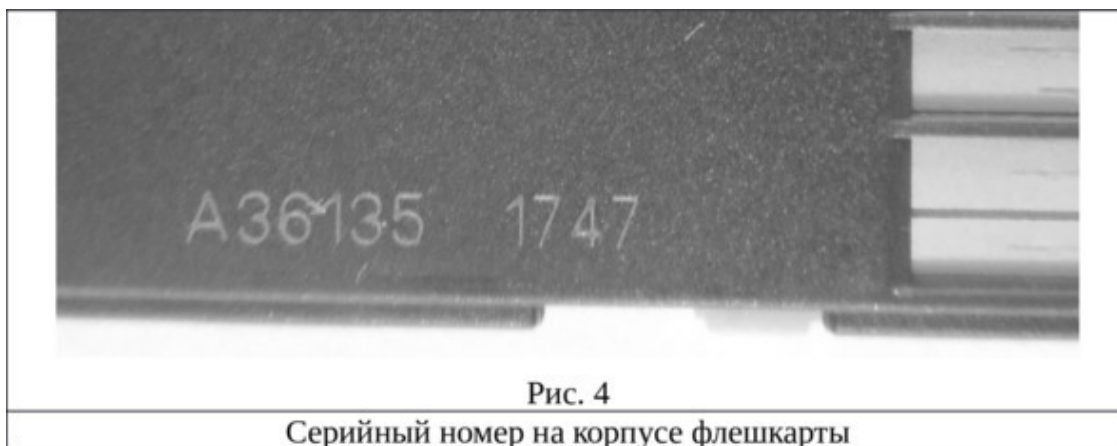

Рис. 2

Рис. 3.

На корпусе флешкарты указаны ее тип «SDHC», марка «Transcend», емкость 4 ГигаБайта, а также серийный номер «A36135 1747».

– Теперь понятно, почему преподаватель нам все зачеркнул, – вздохнул Сергей, и ребята принялись вносить исправления в свои протоколы.

– Николай Валерианович, подскажите, пожалуйста, почему у нас остальная часть протокола перечеркнута, – попросила Сима, тут еще написано «Где фотосъемка?».

– В ч. 3 ст. 180 УПК написано, что в протоколе должно быть указано, какие технические средства, к каким именно объектам были применены и полученный результат, верно? – поинтересовался следователь.

Ребята одновременно заглянули в УПК и кивнули головами, соглашаясь.

– Получается, что в разделе протокола, который называется «осмотром установлено», в обязательном порядке должно быть описано как, кем, к чему применялось техническое средство и что в итоге получилось, – наставительно сказал следователь.

– И что, так и писать: «Следователем осуществлялась ориентирующая фотосъемка места происшествия методом линейной панорамы, с использованием цифрового фотоаппарата Nikon Coolpix с разрешением 16,0 МР с жестковстроенным объективом NIKKOR 6X WIDE OPTICAL ZOOM VR с фокусным расстоянием 4,6—27,6 мм»? – спросила Сима. – И про фотоаппарат каждый раз расписывать?

– Не только про фотоаппарат, но и параметры фотосъемки и номера фотоснимков, – ответил следователь.

– Какие параметры? – удивился Сергей.

– Подожди, – осадил его Серафима, – преподаватель говорил про выдержку, диафрагму, светочувствительность матрицы и расстояние.

– Точно, – обрадовался Николай Валерианович, – именно эти параметры фотоаппарат выдает для каждого фотоснимка, светочувствительность обозначена в единицах ISO, выдержка латинской буквой «t», а диафрагма буквой «f».

Ребята включили фотоаппарат, и Серафима сфотографировала улыбающегося следователя.

– Ой, точно, – обрадовалась она, показав Сергею на строчки букв и цифр, появившиеся на экране поверх снимка. (Рис. 5)

– Есть еще одно важное обстоятельство, о котором мало кто знает, – после небольшой паузы добавил Николай Валерианович.

– Какое обстоятельство? – сразу насторожились ребята.

– Ваш фотоаппарат, как впрочем, и фотоаппараты большинства наших специалистов, не подходит для криминалистической фотосъемки.

– Почему не подходит? – удивился Сергей, – у полицейских экспертов практически такие же.

– Вот именно, – вздохнул следователь, – в нашей с вами записи не хватает одного очень важного параметра – фокусного расстояния. Дело в том, что ваш фотоаппарат, как и большинство недорогих цифровых фотоаппаратов, не позволяет жестко настраивать параметры фотосъемки, и даже выдает их не все. В списке параметров фотоснимка, который мы с вами видели на экране, фокусного расстояния нет. Ваш фотоаппарат использует современный зум объектив, или, по-научному, объектив с переменным фокусным расстоянием. Фокусное расстояние определяется аппаратом самостоятельно для каждого снимка, с учетом множества факторов, в том числе и ваших действий. Именно из-за изменения фокусного расстояния ваши фотоснимки, сделанные вроде бы в одинаковых условиях, оказываются разными. Панорамы не собираются, а размеры одного и того же объекта могут не совпадать.

– И что же нам делать?

– На самом деле фокусное расстояние можно посмотреть с помощью компьютера. Для этого необходимо навести курсор на нужный фото-файл и открыть окошко свойств. Затем открыть вкладку подробно и найти там все параметры фотоснимка. Следователь открыл на своем компьютере фотографию и показал, как находить ее свойства. (Рис. 6—10)

– А как быть экспертам?

– Эксперты и следователи должны на самом деле использовать аппаратуру соответствующего уровня, позволяющую не только определять, но и самому фотографу жестко устанавливать все параметры фотосъемки, в том числе и фокусное расстояние. Разумеется, работать с таким аппаратом гораздо труднее, да и стоит он в десятки, если не сотни раз дороже.

– Николай Валерианович, а почему эксперты не используют такие фотоаппараты?

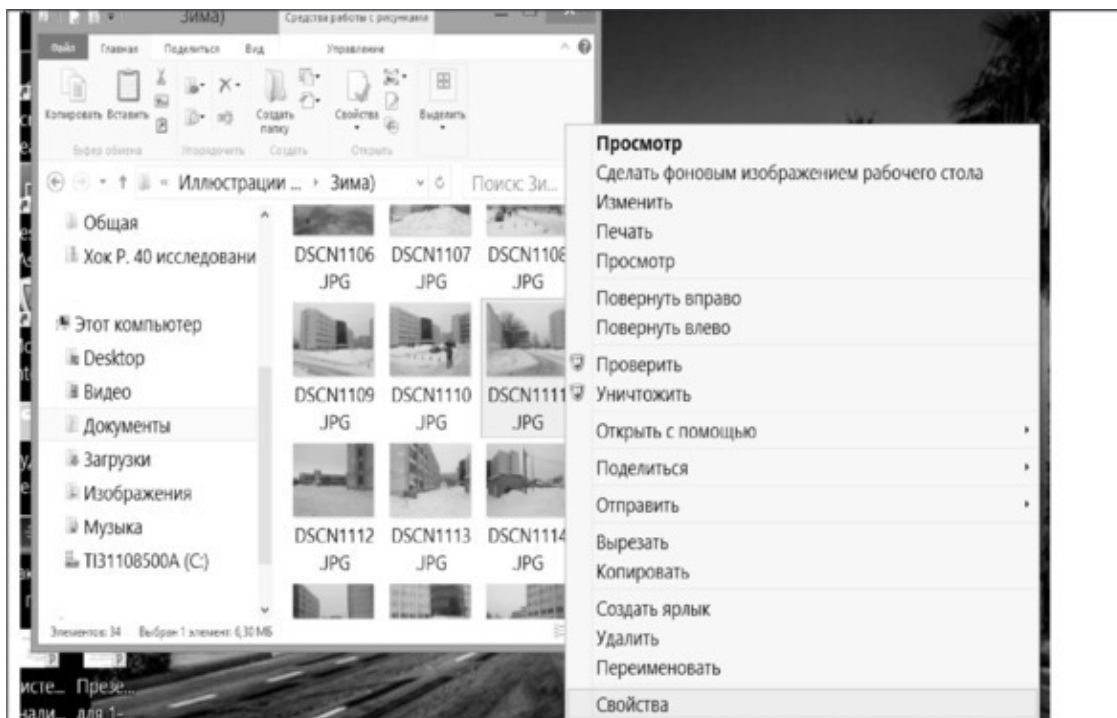

Рис. 6

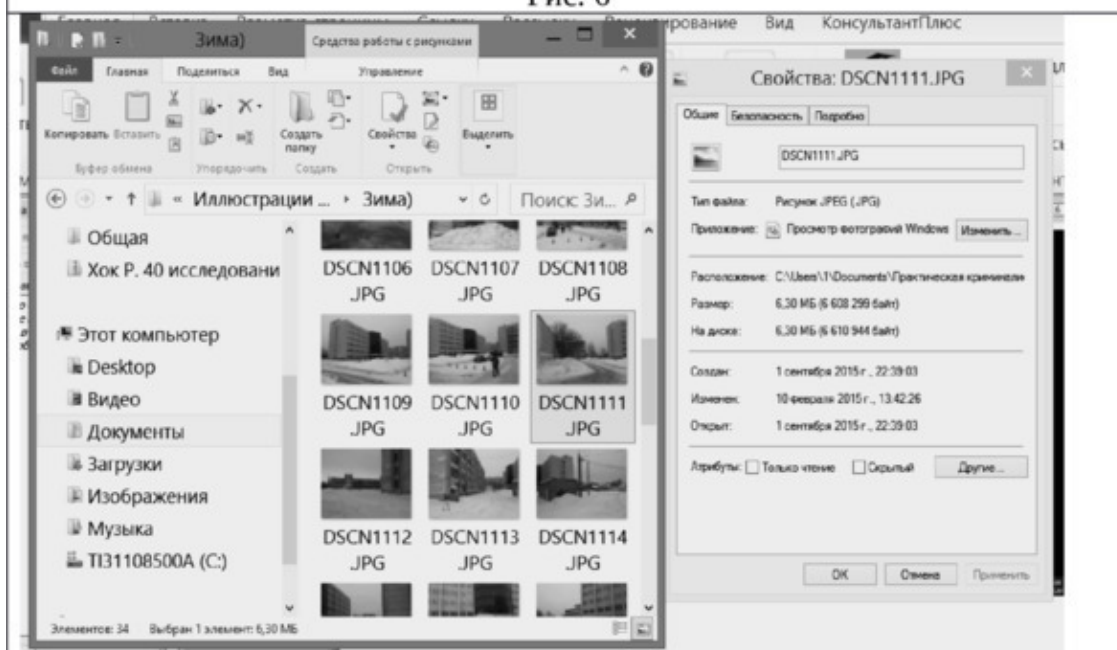

Рис. 7

Для проверки данных файла необходимо навести курсор на файл, нажать правую кнопку мышки и в открывшемся окне выбрать строку «Свойства», активировать ее. Затем необходимо открыть вкладку «Подробно», и посмотреть данные фото-файла.

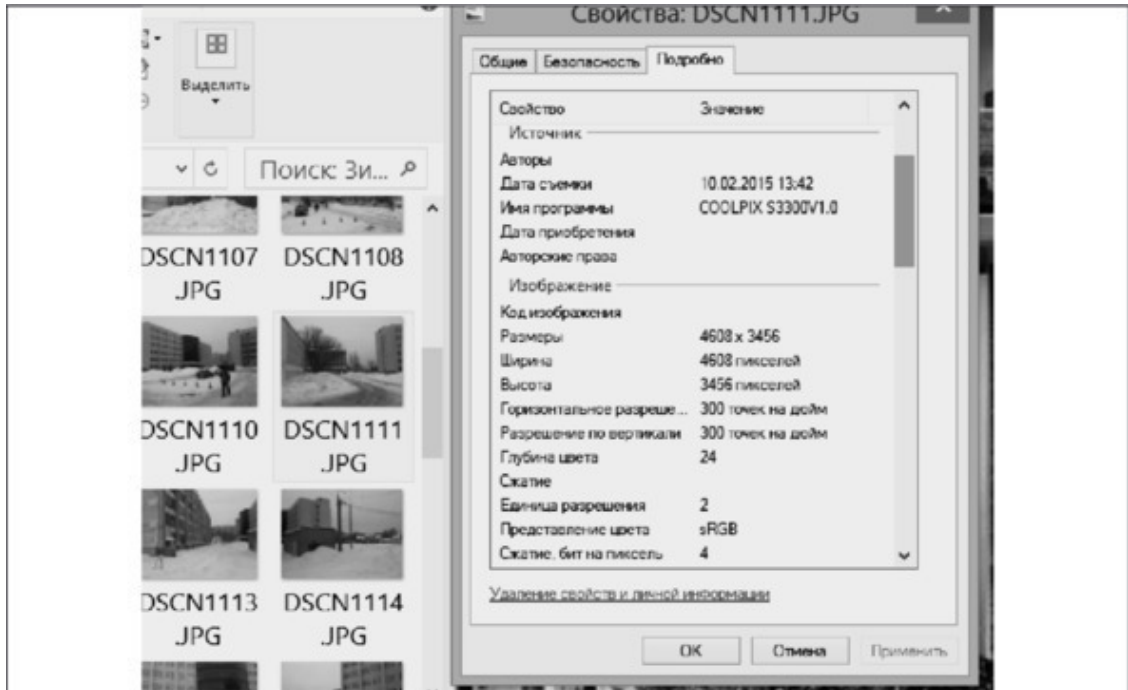

Рис. 8

Рис. 9

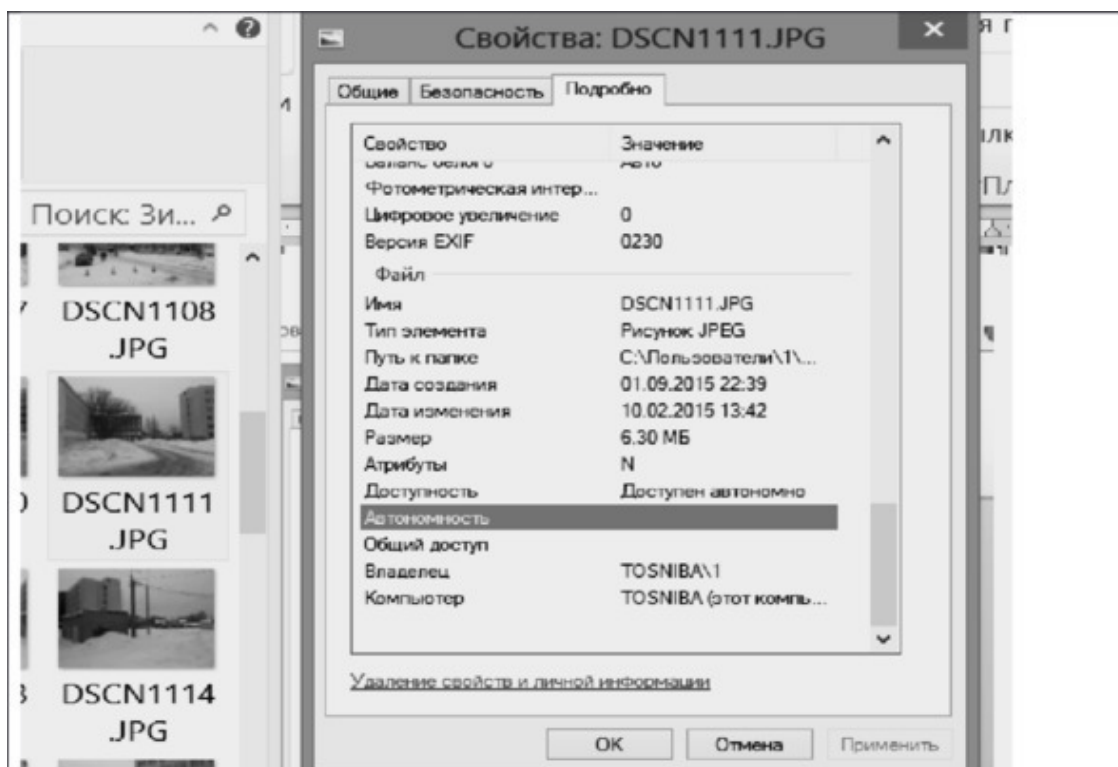

Рис. 10

Если открыть свойства фотографического файла, то можно узнать не только все его параметры (выдержку, диафрагму, светочувствительность, фокусное расстояние), но и марку и модель фотоаппарата, дату фотосъемки, дату изменения или копирования файла.

– Я не знаю, – грустно вздохнул старый следователь, – может быть, средств на их приобретение не хватает, может быть профессионализма у специалистов. С другой стороны, от пленочного фотопроцесса мы отказались слишком рано. Цифровые фотоаппараты при всей их удобности, к сожалению, не обеспечивают требуемого качества и надежности фиксации изображений.

– Николай Валерианович, – не выдержал Сергей, – а про виды фотосъемки нужно писать в протоколе, что проводилась ориентирующая, обзорная, узловая и детальная фотосъемки? Нам один эксперт сказал, что в протоколе виды фотосъемки указывать нельзя, потому что это секретная информация и преступник про нее знать не должен.

– Секретная информация? – с явным удивлением переспросил следователь, а адвокат оторвался от протокола допроса, который читал с предельным вниманием.

– Секретная информация, – повторили одновременно оба юриста и звонко, от души рассмеялись.

– Значит секретная информация, – третий раз повторил Николай Валерианович, – скажи, пожалуйста, Серафима, а у тебя есть учебник по криминалистике?

Учебника ни у кого из ребят не оказалось, и следователь попросил их открыть стоявший в углу шкаф с бланками. Верхняя полка была заставлена книгами. Ребята увидели УК и УПК РСФСР, Конституции СССР, РСФСР и России, справочники следователя, учебники по уголовному процессу, судебной медицине и психиатрии, сборники постановлений Пленума Верховного Суда, и, среди других книг, сразу два потерянных учебника по криминалистике.

– Доставайте оба, – предложил Николай Валерианович, – и вон ту старенькую книжку, про лжесвидетельство.

Когда ребята положили книги на стол, следователь предложил им внимательно посмотреть на обложки. На мягкой обложке старой книги кроме названия и фамилий авторов в правом верхнем углу было написано «Для служебного пользования».

– На секретных документах всегда указывается гриф, – пояснил следователь, – этот самый низший, есть еще «секретно» и «совершенно секретно». А на учебниках этот гриф есть?

– Нет, – озадаченно протянул Сергей.

– А вы свои учебники где взяли?

– Мне в библиотеке выдали, – ответил Сергей.

– А я свой в магазине купила, – пояснила Сима, – там столько разных учебников по криминалистике, что глаза разбегаются.

– А купить их может только юрист или любой человек?

– Конечно любой.

– Тогда получается, что про приемы фотосъемки, технические средства и следы может узнать любой человек. Никто не помешает человеку, готовящемуся совершить преступление, купить учебник и узнать все про криминалистику.

– Никто, – согласились ребята.

– В середине 90-х во Владивостоке была серьезная преступная группировка, так они вообще создали учебник, который назвали «Антикриминалистика», – вставил адвокат, – но это им не помогло.

– Тогда зачем нарушать требования УПК и не указывать вид фотосъемки, если преступник может узнать про него сам? – продолжал следователь.

– Не за чем, – вздохнула Серафима, – значит, нам в протокол нужно вписывать все про фотосъемку.

– Не просто вписывать, а еще и так, чтобы эти отметки совпадали с описанием предметов и объектов, которые вы фотографировали. Пишется это примерно так: *«Следователем с использованием цифрового фотоаппарата Nikon Coolpix с разрешением 16,0 МР с жестковстроенным объективом NIKKOR 6X WIDE OPTICAL ZOOM VR с фокусным расстоянием 4,6—27,6 мм, осуществлялась ориентирующая фотосъемка места происшествия методом круговой панорамы, светочувствительность матрицы 100 ISO, диафрагма 11, выдержка 1/125 секунды, расстояние 20 метров, выполнено четыре фотоснимка, фото №1—4»*. В идеале, при использовании зум объектива, должно быть указано фокусное расстояние, если используется простой объектив, то указывается его название и фокусное расстояние. Точно также расписывается каждый последующий прием фотосъемки. Вообще применение любых технических средств расписывается в протоколе подробнейшим образом.

– Теперь понятно, что хочет от нас преподаватель, – обрадовалась Серафима, и ребята принялись дополнять свои протоколы разноцветными вставками.

– Вот вроде бы все, – Сима перевернула лист и огорчилась, – тут опять ошибка.

– Давайте разбираться, – предложил Николай Валерианович.

В обоих протоколах в графе «В ходе осмотра проводилась» было написано «фотосъемка», но это почему-то не понравилось преподавателю, перечеркнувшему весь раздел.

– Тут же написано – «фотосъемка», – заметил Сергей, получается – неправильно?

– Не полно, – поправил его следователь, – нужно еще указать: сколько было сделано фотоснимков, и кто будет оформлять фототаблицу. А кстати, кто может распечатать фотоснимки и оформить фототаблицу?

– Фототаблицу могут оформить специалист, осуществивший фотосъемку, или следователь, проводивший осмотр, – отчеканила Сима.

– Фототаблица оформляется сразу же в ходе осмотра?

- Нет потом, ее даже понятия не подписывают, – вспомнил Сергей.
- Значит, в протоколе это все должно быть отмечено, – резюмировала Сима, – а вот как?
- Все просто, – улыбнулся следователь, – пишите то, что есть на самом деле.
- Получается, в этой части протокола пишем: *«В ходе осмотра проводилась фотосъемка, всего выполнено 10 фотоснимков, которые сохранены на флешкарту (подробные данные карты), которая передана следователю для печати фотографий и оформления фототаблицы»*.
- А дальше в разделе *«К протоколу прилагаются»* пишем: *«Приложение №1. Схематический план территории С...ого государственного университета; Приложение №2. План-схема места происшествия; Приложение №3. Фототаблица, по ее изготовлению следователем»*.
- Точно, – обрадовался следователь, молодцы, но...
- Что но? – сразу всполошились ребята.
- На сегодня нам с вами надо заканчивать, – улыбнулся следователь, – у меня через полчаса допрос потерпевшей, нужно подготовиться.
- А можно нам присутствовать при допросе? – робко спросила Сима.
- Нет, – неожиданно жестко пресек Николай Валерианович, – нельзя, и не спрашивайте почему. Приходите завтра к 12.00.
- Ребята собрали свои вещи, сложили книги в шкаф и покинули кабинет.

Глава 3. Некоторые тактические аспекты применения технических средств

На следующий день ровно в 12.00 ребята робко заглянули в кабинет старого следователя.

– Входите, молодежь, – пригласил их Николай Валерианович, – вешайте одежду в шкаф и располагайтесь за маленьким столом.

Огромный стол следователя был заполнен документами, разложенными на аккуратные стопки, часть стола занимали коробки и конверты с вещественными доказательствами.

– У меня сегодня день технической работы по делам, – пояснил следователь, – анализирую материалы дел, планирую работу, назначаю экспертизы, выписываю повестки, оформляю запросы в разные организации, так что немного времени на ваши ошибки найду, а вы потом сходите с запросами к наркологу и психиатру.

– Обязательно, – Симу явно обрадовало первое поручение старого следователя, – мы сегодня как раз со всего отдела запросы собираем.

– Вот и договорились.

– Николай Валерианович, – робко начал Сергей, – а можно у вас спросить?

– Конечно можно, – подбодрил его следователь.

– Вы вчера говорили, что помимо процессуального оформления применения технических средств есть еще интересы дела. Это как?

– Так просто не объяснишь, – задумался следователь, – вот вы изучаете криминалистику, о чем этот предмет?

– О расследовании преступлений, – сразу же ответил Сергей.

– Ой ли, – улыбнулся следователь, – а как в учебнике?

– О закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств, – прочитала в учебнике Сима, – а еще о специальных средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступлений, которые разрабатываются на основании этих самых закономерностей⁵.

– Получается, что в учебнике все построено на определенных закономерностях, а что такое закономерности?

– Ну, это то, что обычно повторяется, но не всегда, – задумчиво пояснил Сергей.

– Правильно. А как вы думаете, преступления они все одинаковы?

– В общем, наверное, да, состав преступления, он же всегда постоянный, – неуверенно произнесла Серафима.

– Вот как, а сами события и участники они одинаковы?

– Нет, участники разные.

– А ведут они себя каждый раз одинаково?

– Нет, каждый по-своему.

– А место и время одни и те же?

– Нет, каждый раз разные.

– Подождите, – Серафима прервала поток вопросов, – Николай Валерианович, получается, что каждое преступление оно уникально, общим будет только то, что отдельные элементы содержат признаки состава преступления, хотя сами действия могут быть различными по своему содержанию?

⁵ Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. Р. С. Белкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство НОРМА, 2003. с.42.

- И..., – следователь явно ждал продолжения.
- Каждое уголовное дело уникально, – Сергей закончил мысль Серафимы, – но тогда какой смысл в учебнике?
- В учебнике приводится результат обобщения, причем тех действий следователя, которые, как правило, им совершаются, но каждый раз следователь должен учитывать специфику и уникальность своего конкретного дела. Сложность криминалистики и работы практикующего юриста как раз в том, чтобы понять основные принципы, изложенные в учебнике, а потом преобразовать их для решения задачи конкретного уголовного дела.
- Давайте попробуем разобраться, – предложил следователь, – что такое технико-криминалистические средства?
- Это технические средства, используемые для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов, – Сергей продемонстрировал знание учебника.
- Они бывают заимствованные, ну взятые из иных видов деятельности, например, фото-съемка, и криминалистические, например, дактилоскопические порошки, – дополнила Сима.
- Все верно, а какие еще есть виды технико-криминалистических средств? – спросил следователь.
- По назначению: средства обнаружения или выявления; фиксации; изъятия; исследования.
- А еще?
- Там есть разделение на оперативные, они же полевые, и лабораторные, они же стационарные, – вспомнил Сергей.
- А в чем отличие полевых от лабораторных?
- Ну, понятно же, – не выдержала Сима, – полевые можно с собой взять, а лабораторные – нет. Видимо они очень большие.
- И все? – с хитрой улыбкой поинтересовался следователь.
- Видимо, нет, – ребята почувствовали подвох, но правильного ответа не знали.
- Тут все просто полевые, как правило, менее точны, часто с доказательственным отрицательным ответом, и уничтожающие или видоизменяющие следы.
- Николай Валерианович, а что значит доказательственный отрицательный ответ? – Сима даже запнулась.
- Это значит, что точным и доказанным будет только отрицательный ответ, – пояснил следователь. – Например, тест-полоски на кровь или экспресс-тест на наркотики. Когда используются подобные технические средства, то их положительная цветовая реакция дает основания предположить, что мы нашли кровь или наркотики, но это не значит, что это действительно они и есть. Это может быть любое другое вещество, дающее похожую реакцию. Если же экспресс-тест не реагирует, то это точно не кровь.
- Следовательно, доказательственное значение будет иметь только отрицательный ответ, – сообразила Серафима.
- Именно, но при этом то, что мы исследовали, будет уничтожено, и повторно исследовать более точными приборами не получится.
- Тогда зачем вообще нужны такие средства? – удивился Сергей.
- Они существенно облегчают работу следователя и процесс расследования, – осадил его следователь. – Их использование позволяет сразу на месте происшествия решить вопрос о том, изымать объект или нет, как его упаковывать, какие экспертизы назначать и многое другое. Главное достоинство полевых технико-криминалистических средств в том, что они позволяют получить информацию сразу, пусть вероятную, но зато сразу. Разумеется, лабораторные средства дают точный доказательный ответ, но спустя длительное время. Основная задача следователя в каждом конкретном случае решить, что для дела важнее: вероятный ответ и сразу, или точный, но через какое-то время. Проблема следователя, как и любого практикующего

юриста, в том, что эту дилемму приходится решать каждый раз, и универсального правильного ответа просто нет.

– Неужели нет никаких инструкций? – удивился Сергей.

– Конечно, есть, – улыбнулся следователь, – вот только их очень много и мало кто их читает.

– Как много? – не понял Сергей.

– К каждому техническому средству прилагается инструкция, где подробно описаны достоинства, порядок применения, доказательственное значение и последствия для объектов. Для того чтобы в каждом конкретном случае найти наиболее верное для этого дела решение, нужно знать все о полевых и лабораторных средствах.

– Вот смотрите, – следователь положил перед собой коричневую папку уголовного дела. – На месте происшествия обнаружен труп и многочисленные следы, образованные бурым веществом. В данном случае были применены тестовые полоски, которые показали цветовую реакцию, характерную для крови. Образцы вещества были изъяты и потом направлены на биологическую экспертизу, которая подтвердила, что это кровь погибшего. Следов крови в виде брызг и потеков было достаточно для того, чтобы сделать предварительный анализ на месте происшествия и взять образцы для экспертного исследования. В 12 метрах от трупа и многочисленных следов крови на верхней части ручки входной двери был обнаружен единичный след, образованный наслоением бурого вещества, размером 3x4 мм. Как должен был поступить следователь – использовать тест-полоски, просто изъять образец следа или вообще проигнорировать?

– Использовать тест-полоску и убедиться что это кровь, – первым высказался Сергей.

– А если использовать тест-полоску, то вещество будет уничтожено? – осторожно поинтересовалась Серафима, – я просто ничего не знаю об этих полосках.

– Все средства предварительного исследования следов крови уничтожают след, потому что основаны на химической реакции. К ним относятся гемофан (тест-полоски), гидропирит, реактив Воскобойникова и простейший тест – перекись водорода.

– Ну и что, подумаешь, уничтожают, – настаивал Сергей, – все равно ясно, что это кровь погибшего.

– А ты как думаешь, – следователь повернулся к Серафиме.

– Мне кажется, что Сергей не прав, – задумчиво ответила девушка. – Мы не можем быть уверены в том, что это кровь именно погибшего, хотя и исключать этого тоже нельзя. След оставил преступник, или кто-то еще, побывавший в комнате и испачкавший руку в крови.

– А каков характер ранений на трупе? – неожиданно спросила Сима, прервав свои размышления, – и сколько их?

– Пять колото-резанных повреждений, – следователь пристально смотрел на девушку, которая против воли стала покрываться красными пятнами.

– Ни в коем случае нельзя использовать тесты, – Сима решительно тряхнула головой, – след нужно сфотографировать и изъять с максимальной осторожностью.

– Почему? – удивился Сергей.

– Потому что это может быть как кровь погибшего, которую перенес преступник или свидетель, но если кровь не принадлежит погибшему, то тогда это кровь убийцы, который порезал руку при нанесении ударов ножом, – высказавшись Серафима, испуганно посмотрела на старого следователя.

– Правильно, – Николай Валерианович явно был доволен, – в данном случае так и было, убийца порезал большой палец на правой руке и, открывая дверь, оставил этот след. А на какую экспертизу будем отправлять этот след?

– На генотипоскопическую, – Сергей был явно расстроен своей ошибкой, – это которая экспертиза ДНК.

– Правильно, – улыбнулся следователь. – Но в данном случае еще не все, в подъезде на стене обнаружены следы в виде мазков, образованные наслоением вещества бурого цвета, как поступим с ними?

– А много там этих следов? – уточнил Сергей.

– Три, первый расположен на высоте плеча и идет под углом вниз с сужением, следующий через три ступеньки вниз, он меньше, по форме похож на первый, но уже и бледнее, третий еще через три ступеньки, меньше и бледнее чем второй, – уточнил следователь, – вот посмотрите фотографии.

– Ой, какие странные следы, – удивилась Сима.

– Кто-то вытер руку о стену, – срезу же предположил Сергей.

– Почему ты так думаешь? – внимание следователя переключилось на парня, и тот тоже покраснел.

– Ну, я сам так пару раз в детстве руки о стены вытирал, – смутился Сергей, – когда в краске испачкался.

– Тут вещества достаточно, можно использовать тест-полоски и останется для изъятия, – предположил Сергей.

– Правильно, – одобрил следователь, – а как вы думаете, чья это кровь?

– Убийцы, – высказался Сергей.

– Погибшего, – предположила Сима.

– Почему вы так думаете?

– Вы же уже сказали, что убийца порезал палец, вот он и вытирал кровь, – развил свою версию Сергей.

– А я так не думаю, – возразила Серафима. – След на ручке двери очень маленький, значит палец убийца порезал совсем чуть-чуть, а крови тут много. В крови потерпевшего убийца руки не испачкал, иначе следы остались бы и на входной двери, а их там нет. Получается, там был кто-то еще, этот кто-то прикасался к потерпевшему, может быть пытался ему помочь или что-то искал на его теле. Этот третий испачкал руку в крови, а потом вытер ее о стену в подъезде, но тогда получается, что он не прикасался к входной двери, потому что на ней нет следов крови. Что-то я совсем запуталась, – вздохнула девушка.

– Я бы не сказал, что ты запуталась, – Николай Валерианович явно старался ее подбодрить, – ты рассуждаешь и, что еще важнее, ставишь перед собой вопросы, на которые нужно получить ответы. Не всегда эти ответы есть на месте происшествия, но это повод к тому, чтобы задать необходимые вопросы дальше, например, при допросе, или поставить их перед экспертом.

– Николай Валерианович, – заметила Сима, – получается если след маленький, то экспресс-анализ делать не стоит, если вещества много, то можно?

– А если тест покажет, что это не кровь, тогда как?

– Да никак, – улыбнулся Сергей, – если это не кровь, то нам это вещество не интересно и к делу оно не относится.

– Вот как, – следователь посмотрел на девушку, – а у тебя, Серафима, другое мнение?

– Мы не знаем, относится ли это вещество к преступлению или нет, – рассуждала девушка, – значит надо его изымать в любом случае.

Серафима посмотрела на старого следователя, который с хитрым прищуром встретил ее взгляд.

– Так нечестно, Николай Валерианович, – Сима поняла, что следователь хитрит.

– Ты продолжай рассуждать, – предложил он.

– Сидя в кабинете эту задачу решить нельзя, – неожиданно буркнул Сергей.

– Точно, – Серафима вспомнила, слова следователя об уникальности дел, а фраза друга позволила ей представить картину места происшествия.

– Николай Валерианович, получается, что решение о том, что делать с этими следами будет зависеть от обстановки места происшествия. В любом случае следы нужно описать и сфотографировать, а вот изымать образцы или нет, будем решать в зависимости от их давности. При наличии малейших сомнений образцы будем изымать в любом случае.

– Каких сомнений? – уточнил следователь.

– Например, давность определить сложно, или есть информация, что раньше этих следов не было, или похожие следы есть на погибшем или его вещах, всего не перечислишь.

– Молодец, Серафима, – Николай Валерианович был доволен, – это и есть правильный ответ! Решение принимается в зависимости от обстоятельств дела.

– Николай Валерианович, а кто принимает это решение? Эксперт? – спросил Сергей.

– На месте происшествия нет эксперта, мы же в прошлый раз это обсуждали, – рассудительно заметила Сима. – Получается, что решение принимает именно следователь, – заключила девушка.

– А если специалист не захочет этого делать? – вдруг спросил Сергей, – как тогда быть?

– Как так не захочет? – удивился следователь.

– В прошлом году я был понятым на осмотре места происшествия, – начал Сергей. – Осмотр проводил молодой следователь, который попросил эксперта сделать дополнительную фотосъемку и изъять на дактопленку следы пальцев с книжной полки. Эксперт, кстати капитан полиции, в очень жесткой форме отказался. Заявил, что он – эксперт, лицо независимое, и считает, что фотографий сделал достаточно, а отпечатки пальцев совпадают с узорами потерпевших и изымать их нет смысла.

– И как же поступил следователь?

– Смутился и промолчал, – Сергей вздохнул. – Да и потом в протоколе осмотра про эти следы ничего написано не было. Я когда стал читать протокол, обратил внимание, про книжную полку написано, а про то, что на ней были обнаружены следы ни слова.

– Вот как, – Николай Валерианович нахмурился. – Давайте подумаем, а как должен был поступить следователь?

– Вежливо попросить еще раз, – предположила Сима. Сергей кивнул головой, соглашаясь с подругой.

– Что нам по этому поводу говорит УПК? – спросил Николай Валерианович.

Ребята зашуршали кодексами, искоса наблюдая за старым следователем, который с недовольным видом чертил карандашом зигзаги на маленьком листочке бумаги.

– Николай Валерианович, – начала Сима, я совсем запуталась. – Эксперт правильно утверждает, по закону он лицо независимое и следователь ему ничего указывать не может, но он же не эксперт?

– Тут есть одна маленькая юридическая тонкость, – улыбнулся следователь, – и многие неопытные или плохо знающие закон юристы про нее забывают. Путаница возникает из-за неумения разграничить процессуальное положение лица – специалист или эксперт, с его должностью. Дело в том, что в экспертных подразделениях полиции есть должности: эксперт-криминалист или просто эксперт, и техник-криминалист. Первый – это офицер, имеющий высшее образование, работающий экспертом и сдавший квалификационные экзамены на право производства экспертиз. Эксперты называют эти экзамены допуском. Допуск получается на каждый вид экспертизы и действует пять лет. Техник-криминалист – это младший состав, без высшего образования и без права производства экспертиз. Эти ребята сдают специальные экзамены и получают допуск на фотосъемку места происшествия и применение технико-криминалистических средств на месте происшествия. Работа экспертных подразделений организована так, что техники-криминалисты выезжают на место происшествия вместе со следователем и работают там как специалисты. Эксперты производят экспертизы, но по графику дежурят, и в рам-

ках дежурства выезжают на места происшествий и работают там, как кто? – неожиданно спросил следователь.

Ребята от неожиданности растерялись.

– Как эксперты, – машинально выпалил Сергей, но тут же поправился сам. – Нет, не как эксперты, а как специалисты.

– Получается, что не смотря на должность эксперта и допуск, эти офицеры выступают в качестве специалиста, а значит правило о независимости эксперта на них в этот момент не распространяется, – подхватила Сима.

– И как же быть? – старый следователь явно хотел, чтобы ребята сами нашли решение.

– Задача специалиста оказывать содействие следователю, так сказано в законе, значит специалист на месте происшествия полностью подчиняется следователю и обязан выполнять его указания, – затараторили ребята, перебивая друг друга.

– Сергей, как тогда должен был поступить тот следователь?

– Ну, – Сергей на минуту задумался, оба собеседника терпеливо ждали.

– Следователь должен был указать эксперту на его процессуальный статус специалиста, – парень начал не очень уверенно, но постепенно его голос окреп. – Сказать, что правило независимости эксперта в данный момент на него не распространяется, до начала следственного действия он был предупрежден о том, что его права и обязанности определяются ст. 58 УПК РФ, при необходимости зачитать ему данную статью. Следователь должен был не просить, а потребовать от эксперта выполнения своих указаний, при необходимости занести данные указания в протокол. Можно напомнить специалисту, что за ненадлежащее выполнение своих обязанностей он несет ответственность.

– А как быть с мнением эксперта об отпечатках пальцев? – неожиданно спросил следователь.

– Мнение специалиста в данном случае не имеет доказательственного значения, поскольку экспертных исследований им не проводилось, а предварительный анализ узоров может быть ошибочным, нам об этом преподаватель говорил, – вспомнила Сима.

– И все? – следователь испытующе посмотрел на ребят.

– Нет, – Сергей явно не ожидал от себя такой прыти. – Мнение специалиста должно быть занесено в протокол осмотра, но это не освобождает его от необходимости выполнять указания следователя. Решение о том, изымать данные следы или нет, принимает не специалист, а именно следователь. И фотосъемку он тоже должен был выполнить.

– Молодцы, – старый следователь был доволен. – Ребята, вы должны понимать, что на месте происшествия, да и во всем расследовании главным лицом является именно следователь. Закон четко определяет, кто и каким образом может вмешиваться в процесс расследования и давать указания следователю. Грамотный юрист должен четко представлять себе свое процессуальное положение, знать все свои права и обязанности и умело ими пользоваться. На сегодня мы с вами закончили, приходите завтра, обсудим ваши фототаблицы, там тоже много интересных вопросов и замечаний. Почитайте вечером учебники по криминалистике, главы, посвященные криминалистической фотографии и тактике осмотра места происшествия.

Ребята собрали свои отчеты, УПК, достали из шкафа одежду и направились к двери. Они были так сильно загружены обдумыванием полученной информации, что совсем забыли о своем обещании, но старый следователь, казалось, помнил все.

– Молодые люди, – остановил он их, – вы ничего не забыли?

Николай Валерианович положил на край стола объемистую пачку бумажных листов формата А-5, которую вынул из ящика стола, пока ребята собирались.

– Ой, извините, Николай Валерианович, – смутилась Сима, – про запросы мы совсем забыли.

Сергей торопливо схватил пачку запросов, и ребята отправились в наркологический и психоневрологический диспансеры.

Глава 4. Фотосъемка места происшествия. Начало

На следующий день после занятий ребята направились в следственный отдел. По дороге они обсуждали вчерашний поход в психоневрологический диспансер. Запросов оказалось слишком много, дежурная сестра забрала всю пачку и велела прийти через два дня, пояснив, что раньше все равно не управится.

Дверь в кабинет Николая Валериановича оказалась заперта. Убедившись, что предупреждающий табличек нет, Сергей робко постучал. Тишина.

– Неужели его нет, – Сима растеряно поглядела на друга.

– Добрый день, молодые люди, подождите минуту, я сейчас, – следователь выглянул из соседнего кабинета, на двери которого было написано «Архив».

Действительно, ровно через минуту Николай Валерианович вышел, запер дверь и направился к ним. В руках у следователя ребята увидели коричневую папку старого уголовного дела.

– Мы с вами хотели сегодня про фотосъемку поговорить, так вот я тут кое-что вспомнил и хочу вам показать, – следователь впустил ребят в кабинет и сел за стол, положив дело перед собой.

Сергей и Серафима с готовностью разложили на столе пухлые папки своих отчетов, открыв нужные листы.

Сразу после протокола осмотра места происшествия в отчетах располагались схемы, обозначенные как приложения №1 и №2, а за ними фототаблица, приложение №3. Схемы и все листы фототаблицы были перечеркнуты крест на крест красным маркером, и на каждом красовалась грозная надпись «Переделать!».

– О схемах мы поговорим чуть позже, начнем с фотографий, – начал Николай Валерианович, – вы учебники прочитали?

– Конечно, – ответила за обоих Сима. Девушка весь вечер читала учебник, но так и не смогла понять, в чем же заключаются ее ошибки. Сергей буркнул что-то неразборчивое и заметно смутился.

– Тогда давайте вспомним, какая фотосъемка осуществляется на месте происшествия?

– Панорамная, обзорная, узловая и детальная, – первым ответил Сергей.

– Нет, – Серафима решительно покачала головой, – Сергей, ты что, не читал учебник?

На месте происшествия используются четыре приема фотосъемки: ориентирующая, обзорная, узловая и детальная. Панорамная фотосъемка – это не прием, а метод фотосъемки, при котором делается не один снимок, а несколько последовательных, – пояснила девушка, – и это метод может быть использован при любом приеме.

– Давайте попробуем ответить на вопрос – зачем проводится фотосъемка места происшествия?

– Ну, – начал Сергей, – чтобы наглядно зафиксировать обстановку места происшествия и следы преступления. Так в учебнике написано.

– А для чего вы применяли фотосъемку, когда проводили свой осмотр?

– Так преподаватель велел.

– Получается, что фотосъемку вы делали только потому, что вам велели, – улыбнулся следователь, – по принципу «Неважно как, главное чтобы было», я прав?

– Получается, что так, – неожиданно согласилась Сима, – нам было сказано провести осмотр и применить все приемы фотосъемки. Я еще спросила у преподавателя, сколько необходимо фотоснимков, а он ответил: «Столько, сколько необходимо. Смотрите сами и думайте».

– Правильно сказал, – старый следователь серьезно посмотрел на ребят.

– Скажите, – продолжил он после небольшой паузы, – кто несет ответственность за качество, достоверность и точность осмотра места происшествия?

– Следователь.
– Кто несет ответственность за целесообразность, полноту и результаты применения технических средств при осмотре?

– Специалист, – машинально брякнул Сергей.

– Следователь, – уверенно возразила Серафима.

– В старом УПК РСФСР была норма о том, что ответственность за законность, качество и полноту следственного действия возлагается на лицо, проводящее данное действие, – заметил следователь.

– Но фотографирует все равно специалист, – упрямо буркнул Сергей, – и он же несет ответственность, так и Виталий Анатольевич считает. А преподаватель хочет, чтобы мы и за специалиста работали, но почему-то все равно не доволен.

– Ваш преподаватель прав, – Николай Валерианович прервал тираду Сергея. – Я не случайно спросил про цели фотосъемки. Дело в том, что цель работы специалиста в ходе осмотра ограничена его представлениями о собственных задачах и о характере преступления. Задача специалиста – отчитаться в применении технических средств и проследить, чтобы это было отражено в протоколе и статкарточке. Что и как фотографировать, он решает из собственных представлений о важности и значимости объектов, найденных на месте происшествия. Обучаются будущие криминалисты по тем же учебникам, что и вы. Они знают про приемы и методы фотосъемки ровно столько, сколько и вы. В вашем случае вы повторяете ошибку большинства юристов, полагающих, что «специалист лучше знает», и вторая ваша ошибка, вы неправильно определили цель фотосъемки.

– Почему неправильно? – ребята пытались понять, к чему клонит старый следователь.

– Так вы же сами согласились, что фотосъемку проводили для того, чтобы отчитаться о ней, или я не прав?

– Вы правы, Николай Валерианович, – согласилась Сима.

– Тогда давайте пойдем по порядку, и начнем с цели фотосъемки, но не так, как записано в учебнике или УПК, а просто попробуем разобраться, что и зачем нужно следователю. Именно поэтому я попросил вас прочитать разделы о фотографии и тактике осмотра, давайте их соединим.

Ребята разложили на столе учебники, в одном открыли раздел «Криминалистическая фотография и видеозапись», в другом «Тактика следственного осмотра и освидетельствования».

– Начнем с осмотра, в чем его цели?

– В ч. 1 ст. 176 УПК РФ написано, что «осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела», – прочитала Серафима.

– В учебнике пишется, что «осмотр – это процессуальное действие, состоящее в непосредственном восприятии и исследовании следователем объектов, которые могут иметь значение для расследования дела, их признаков, свойств, состояния и взаиморасположения»⁶, – прочитал Сергей.

– Получается, что целью осмотра является установление обстановки совершения преступления, поиск следов как самого преступления, так и его участников, иных предметов, имеющих значение для дела, например, орудий совершения преступления, с целью последующего раскрытия преступления и доказывания виновности, – сделала вывод девушка.

– А в чем цель фотосъемки?

⁶ Курс криминалистики: В 3 т. Т. 1. Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика / Под ред. О. Н. Коршуновой и А. А. Степанова. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. С. 524.

– Это факультативное средство фиксации результатов осмотра, обеспечивает наглядность и иллюстрирует текстовое описание объектов в протоколе.

– Для чего следователь устанавливает обстановку места происшествия?

– Потому, что УПК от него требует, чтобы следы найти и указать где именно они были и...

– И? – следователь ждал продолжения.

– И все, кажется, – вздохнула Сима.

– Вот именно, что кажется, – улыбнулся следователь. – Основная задача любого осмотра создать базу для формирования системы доказательств по делу. Детальное описание следов, их точного расположения на месте позволяет экспертным путем восстановить часть события преступления и отдельные действия участников, но этого недостаточно. Осмотр создает основу для проверки достоверности показаний участников и свидетелей. Выяснение деталей обстановки, например, позволяет проверить был ли допрашиваемый в данном месте, и даже уточнить в какое время. Выяснение пути, по которому допрашиваемый прибыл на место или покинул его, позволяет не только проверить их точность, но и создает основу для поиска новых свидетелей.

– Получается, что обстановка места происшествия нужна не только для воссоздания события преступления, но и для сопоставления с показаниями потерпевшего, свидетелей и обвиняемых, – с удивлением заключила Серафима.

– Точно, – улыбнулся Николай Валерианович, – а зачем нам фотосъемка?

Ребята недоуменно переглянулись.

– Опишите мой кабинет, – неожиданно предложил следователь.

– Кабинет представляет собой прямоугольное помещение с окном и входной дверью, стены оклеены обоями с зеленым рисунком, – наперебой затараторили студенты, – справа от входной двери стоит шкаф, затем стулья, стол...

– Погодите, – прервал их следователь, – а какой рисунок на обоях? Как выглядит шкаф, они бывают разные?

– Ну, – ребята стушевались и замолчали, недоуменно глядя на хитро улыбающегося следователя.

Сергей и Серафима уже научились понимать эти хитрые улыбки, которые означали, что Николай Валерианович задал вопрос с ловушкой. Прямой ответ с точным описанием рисунка обоев и шкафа наверняка будет ошибочным, это ребята знали точно, но на что хочет обратить внимание следователь? Они принялись внимательно рассматривать каждый предмет в кабинете, пытаясь представить его описание в протоколе.

– Николай Валерианович, – неуверенно начал Сергей, – в протоколах детально описываются только те предметы, которые имеют существенное значение для дела.

– Насколько подробно они описываются?

– Так, чтобы их можно было идентифицировать.

– А что это значит? Что такое идентификация и как она осуществляется?

– Идентификация – это установление тождества предмета самому себе, – процитировала по памяти Сима.

– А это значит, что мы можем установить, что на месте происшествия был именно этот конкретный предмет, а не похожий на него, – поддержал Сергей.

– Идентификация осуществляется с помощью признаков, которые следователь описывает в протоколе осмотра.

– Все ли признаки при этом указываются?

– Нет, только самые значимые, с помощью которых объект можно легко и быстро отличить от однотипных.

– Хорошо, а как быть с описанием рисунка на обоях и шкафа?

– Николай Валерианович, это же не значимые объекты, – возразил Сергей, – они никуда не денутся, зачем их детальное описание?

– погоди, Сергей, – вмешалась Сима, – если осмотр создает базу для проверки показаний участников процесса, то тогда, задав контрольный вопрос о рисунке на обоях или о шкафе, мы можем убедиться в том, что человек действительно был в этом кабинете.

– Но если детально описывать каждый предмет обстановки это какой протокол получится, – возмутился Сергей, – там страниц 20 будет, читать тяжело, запутаешься в признаках, да и представить себе все это сложно будет.

– Правильно рассуждаешь, Сергей, но и Сима тоже права, и как нам соединить обе ваши правильности? – с улыбкой поинтересовался следователь.

– Получается, что детальное описание всех элементов обстановки места происшествия необходимо, но в тоже время избыток деталей сильно затруднит восприятие протокола, что сильно повредит его доказательственному значению, – Серафима начала рассуждать вслух.

– Значит, краткое описание объектов должно быть проиллюстрировано достаточным количеством фотоснимков, которые обеспечат идентификацию всех предметов на месте происшествия, – продолжил Сергей.

– И протокол вместе с фототаблицей должны создать исчерпывающую базу для последующих допросов, – закончила девушка.

– Молодцы, – старый следователь был доволен, – давайте посмотрим ваши протоколы и фототаблицы, отвечают ли они этим требованиям.

– Я бы сказал, что частично, – заявил Сергей, – и вообще, мы же еще только учимся.

– И что? – в голосе Николая Валериановича зазвучали металлические нотки.

– Ну, мы же не следователи, а только студенты, значит, мы можем и ошибиться, – неуверенно ответил Сергей.

– А следователь может ошибаться?

– Да, он же человек, – буркнул Сергей.

– Нет, – не согласилась Сима, – цена его ошибки слишком велика. Из-за следственной ошибки к уголовной ответственности может быть привлечен невиновный.

– Но следователи ведь все равно ошибаются, – возразил Сергей, и ребята вопросительно посмотрели на старого следователя.

– К сожалению, Сима, Сергей прав, следователи действительно ошибаются, – Николай Валерианович грустно улыбнулся, – но, и ты права, цена этой ошибки свобода и даже жизнь невиновного. Именно поэтому закон требует от суда изучения и оценки допустимости и достоверности доказательств, полученных следователем. Ошибка следователя – это основание для признания доказательства недопустимым или недостоверным. Таким образом, суд частично ее нейтрализует, с тем, чтобы она не стала судебной. Невиновный в этом случае не пострадает, но виновный избежит ответственности, что тоже нехорошо. Но как гласит древняя мудрость: «Пусть лучше сто виновных избежит ответственности, чем пострадает один невиновный».

– Значит, следователь должен делать все возможное, чтобы избежать ошибок, – заключила Сима.

– И студент, выполняющий задание по криминалистике, должен, как следователь, делать все возможное, чтобы избежать ошибок, – продолжил Сергей, копируя ее интонации. Ребята и следователь весело рассмеялись.

– Давайте посмотрим ваши фототаблицы, – предложил Николай Валерианович.

Студенты открыли свои отчеты и сразу притихли и загрустили. В отчете Сергея на первом листе были наклеены три фотографии, собранные в книжку и перечеркнутые красным маркером, под ними красовался огромный вопросительный знак. У Серафимы такого знака не было, но поперек страницы было написано: «Переделать!».

– Ну и почему тут вопрос, – спросил Сергей, – а у Симы его нет?

– Кажется, я догадалась, – обрадовалась Сима, – у меня под фотографией есть ее номер, описание и параметры фотосъемки, а у тебя нет.

– Получается под каждым фотоснимком нужно писать его номер, описание и параметры, как в протоколе, – согласился Сергей. – Так в протоколе мы указали, что это «*фото 1—3 ориентирующая фотосъемка места происшествия, выполненная методом круговой панорамы*» и потом параметры.

Он устроился на краю стола и принялся переписывать текст из протокола в фототаблицу.

– А вот почему мне нужно переделать ориентирующую фотосъемку я не понимаю, – вздохнула Сима, разворачивая свою панораму. Панорама легла длинной узкой лентой, там было не меньше 15 склеенных в ряд фотоснимков (рис. 11).

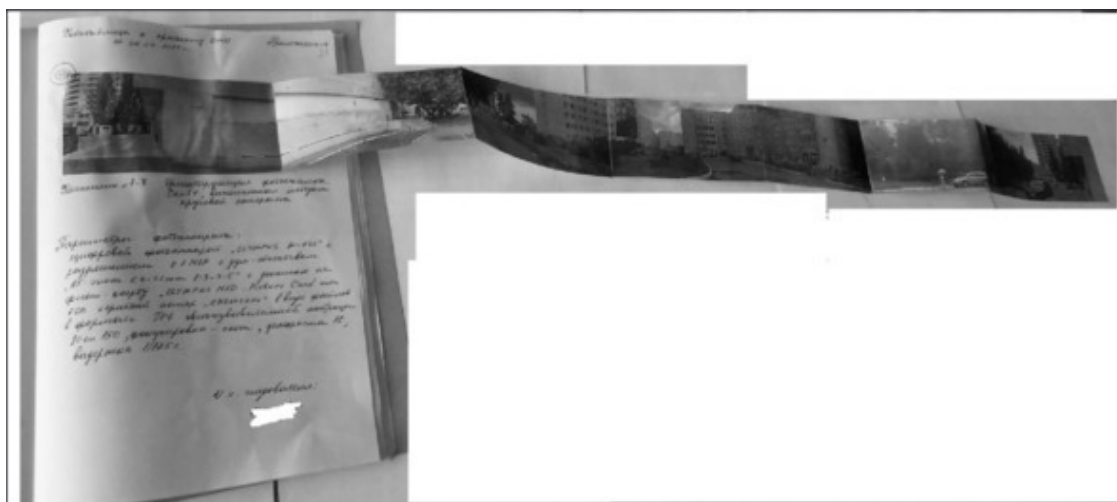

Рис. 11

В данном случае панорама включает в себя больше четырех фотоснимков, что существенно затрудняет ее восприятие.

– Какая она у тебя длинная, – удивился Сергей.

– Полный круг, – гордо ответила девушка.

– А почему она такая узкая, – лукаво спросил следователь, – вот я смотрю на нее и ощущение, что в щелку подглядываю.

– Так снимки неровные получились, один выше, другой ниже, неаккуратно и некрасиво, я их подровняла, стало красивее, но узко, – вздохнула Серафима.

– Значит в материалах уголовного дела главное – это красота?

– Красота должна быть во всем, и в деле тоже, – не сдавалась девушка.

– Серафима, – Николай Валерианович строго и пристально посмотрел ей в глаза, – что для юриста важнее – красота или информация?

– Конечно, информация.

– Что такое изображение на фотоснимке?

– Информация, – догадалась девушка.

– Что ты отрезала от фотоснимков ради красоты? – следователь выстреливал вопросы один за другим.

– Информацию, – Сима вздохнула и добавила, – много информации, примерно половину каждого снимка.

– Именно поэтому твоя панорама производит впечатление узкой шелки, в которую подглядывают, – объяснил следователь, – но это еще не все. Посмотрите внимательно на панораму, какое еще впечатление у вас возникает? Похожа она на реальность?

– Нет, – Сергей покачал головой, – я не знаю почему, но эта панорама кажется мне не похожей на окрестности юридического факультета.

– А мне кажется, что все отлично, – возразила Серафима, – полный круг, 360 градусов, сфотографировано все, что вокруг корпуса юридического факультета.

– Хотя на щель похоже, – девушка внимательно изучила длинную ленту фотоснимков, – и есть какая-то странность, но я не пойму какая.

– Кажется, что твоя панорама отличается от действительности, но никаких отдельных отличий ты не находишь? – мягко поинтересовался следователь.

– Точно, – обрадовалась Сима, – это именно то, что я чувствую, глядя на свою панораму, а как вы поняли?

– Просто это диссонанс между тем, что ты видишь в панораме и теми образами окрестности юрфака, которые хранятся в твоей памяти.

– Это как? – ребята недоуменно смотрели на следователя.

– Основы психологии восприятия, – видя, что недоумение усилилось, Николай Валерианович покачал головой и пояснил, – у человека привычный угол обзора 120—130 градусов, у мужчин он чуть уже, у женщин чуть шире. Твоя панорама вкладывает в обзор гораздо больше, чем привычные 120 градусов, поэтому когда на нее смотрит человек знакомый с тем, что на ней изображено, ему кажется, что на ней что-то не так, но что именно, он не понимает. Это свойство характерно для больших панорам, в твоём случае эффект усиливается за счет узости снимков. Рекомендуется делать панорамы в 3—4 снимка с тем, чтобы запечатленное изображение укладывалось в привычные 120 градусов. Лучше три-четыре небольшие панорамы, чем одна огромная. Мы с вами уже обсуждали дополнительные цели осмотра и фотосъемки, давайте подумаем, что произойдет, если мы покажем твою, Серафима, панораму свидетелю при допросе?

– Ну, – протянула девушка, – если у меня и у вас она вызывает диссонанс, то у свидетеля он тоже возникнет. Получается, что свидетель будет вынужден решать дилемму, чему больше доверять – панораме или своим воспоминаниям, которые почему-то говорят о том, что в панораме что-то не так, но что именно, он понять не может. В любом случае такие психологические процессы вредят достоверности показаний. Мне кажется, что такую панораму свидетелю лучше не показывать, а значит, и в деле ее быть не должно.

– Здравая мысль, – улыбнулся следователь, – давайте посмотрим на следующую ориентирующую фотосъемку.

– А у нас она одна, разве их должно быть две? – удивились ребята.

– А почему вы решили, что ориентирующая фотосъемка проводится один раз? – в свою очередь удивился следователь.

– Так в учебнике написано, там еще пример есть, в нем только одна ориентирующая фотосъемка.

– Так то в учебнике и для примера, – следователь даже немного рассердился, – количество ориентирующих, обзорных, узловых и детальных фотоснимков определяется особенностями конкретного места. Каково назначение ориентирующей фотосъемки?

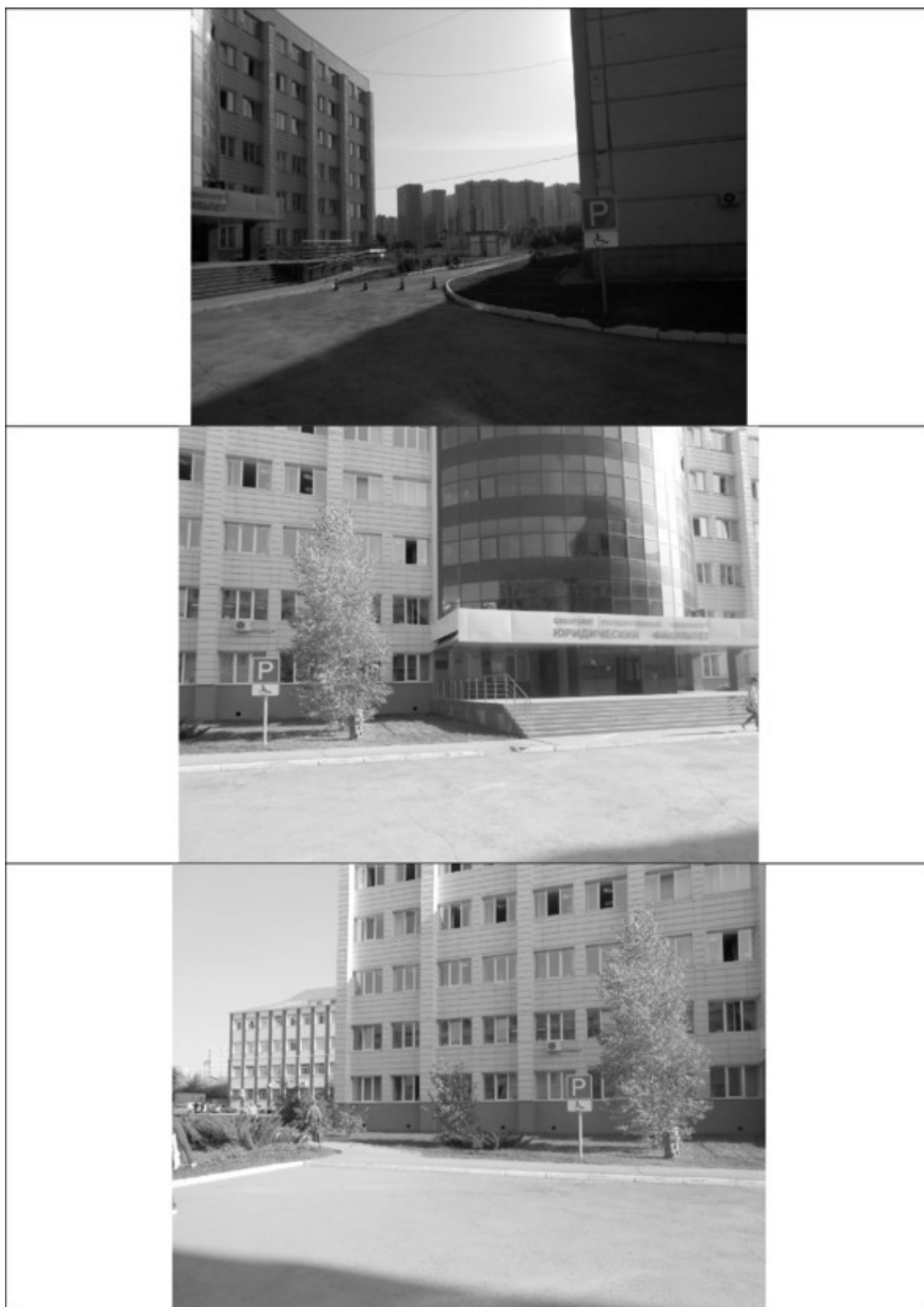

Рис 12

Ориентирующая фотосъемка, выполненная методом круговой панорамы.
Три последовательных снимка обрезаются по заметному ориентиру и соединяются в панораму.

Ошибки: слишком близкое расстояние, не видны окружающая обстановка и все пути подхода к месту происшествия, слишком большая зона наложения, неполная стыковка изображений.

Рис. 13

Фотоснимок крыльца корпуса юридического факультета, выполненный из окна пятого этажа корпуса механико-математического факультета.
Сопоставьте данный снимок с ориентирующей фотосъемкой, сделанной Сергеем.

– На ней запечатлеваются место происшествия вместе с окружающей его обстановкой, путями отхода и подхода, – бойко процитировала определение Сима.

– Так, а на ваших ориентирующих снимках-панорамах что видно?

– У меня только само крыльцо юрфака, часть здания и часть территории вокруг крыльца, по-моему, вполне достаточно, – высказался Сергей (рис. 12).

– У меня все 360 градусов, видно крыльцо, тротуар, дорогу, главный корпус университета и даже столовую, но все это не правильно, – вздохнула Сима.

– Скажите, а на ваших снимках видны все пути подхода к месту происшествия? – поинтересовался Николай Валерианович.

– На моих нет, – согласился Сергей.

– А у меня все, – гордо заключила Серафима.

– Давай посмотрим, так ли это, – предложил следователь. – Откуда можно подойти к крыльцу юрфака?

– Со стороны главного корпуса, если пройти через мехмат, – начала Серафима, – потом со стороны столовой, еще со стороны химико-биологического корпуса, вроде бы все.

– Нет, – возразил Сергей, – еще со стороны экономического корпуса и от автостоянки за юридическим факультетом.

– Точно, – согласилась девушка.

– Теперь покажи мне все эти пути на твоей панораме, – предложил следователь.

– Ой, – Серафима удивленно рассматривала длинную ленту фотоснимков, – тут есть только столовая и выход из главного корпуса, а дороги со стороны химбио не видно, тропинки от автостоянки юрфака тоже, здание экономического факультета тоже не видно.

– Получается, что твоя ориентирующая фотосъемка не решает возложенных на нее задач, – заключил следователь.

– У вас есть несколько ошибок, – пояснил Николай Валерианович, – они связаны с непониманием цели фотосъемки и неправильным выбором точки съемки. В принципе ориентирующая съемка может быть и единственной, если она дает полный обзор вашего места происшествия, но тогда она должна быть сделана с большой дистанции, метров 100 или больше, а еще лучше с возвышения (рис. 13). Для чего следователю нужно запечатлеть обстановку вокруг места происшествия и пути подхода?

– Ну, чтобы знать, где находится место происшествия, – начал Сергей.

– Подождите, – перебила Сима, – если осмотр и фототаблица создают базу для проверки показаний участников процесса, то обстановка вокруг места происшествия позволяет сформулировать вопросы на предмет его осведомленности. Наличие наглядного изображения всех путей подхода необходимо, поскольку на момент осмотра мы не знаем, каким именно путем каждый из участников попал на место, а каким покинул его.

– Замечательно, – обрадовался следователь, – теперь давайте посмотрим на эти два дела. Одно я взял в архиве, ему уже 20 лет, а второе получил два дня назад. Что интересно оба убийства совершены в одном и том же месте, которое за 20 лет не сильно изменилось. Я помню про первое дело, поскольку сам выезжал на место, оно так и не было раскрыто. Осмотр по второму делу проводил мой молодой коллега. Мы сейчас сравним две фототаблицы.

Следователь развернул оба уголовных дела и положил так, чтобы можно было сразу сопоставить фотографии. В старом деле ребята увидели черно-белые фотографии, наклеенные на пожелтевшие листы бумаги, края украшали поблекшие оттиски печатей, под каждым снимком аккуратным почерком Николая Валериановича были выведены номера снимков и пояснения. Фотографии во втором деле были обычными черно-белыми распечатками, сделанными на лазерном принтере, под снимками были отпечатаны пояснения.

– Вот посмотрите, это ориентирующий снимок, – Николай Валерианович показал на первый лист фототаблицы, – в чем разница?

– В старом деле панорама сделана как бы издалека, хорошо видны дорожки, по которым можно пройти, окрестные дома, а в новом деле видны только часть дорожек, дома не видны совсем, – отметили ребята.

Следователь перевернул страницу. В старом деле была еще одна ориентирующая панорама, сделанная, как поняли ребята, с расстояния около 50 метров, но под другим углом. В поле зрения оказалось то, что было за спиной фотографа при выполнении первой панорамы. В новом деле уже шли обзорные фотоснимки, на которых были запечатлены лавочка и лежав-

ший возле нее труп молодой женщины. Следователь перевернул две страницы в старом деле, ориентирующих снимков было три, все они логично дополняли друг друга, последний был сделан с более близкого расстояния, на нем уже были видны лавочка и лежавший возле нее силуэт трупа.

– Итак, в чем разница? – поинтересовался следователь.

– В объеме передаваемой информации, – тут же заявила Серафима. – Николай Валерианович, неужели, если просто отойти подальше от места происшествия информативность снимков настолько увеличится?

– Тут есть одна ловушка, – улыбнулся следователь, – чем дальше вы отходите, тем шире становится кругозор и вы видите больше окружающей обстановки и путей подхода, но...

– Тем меньше мы видим мелких деталей обстановки, – закончил Сергей, – на первых панорамах лавочка и труп практически не видны, но за счет дерева и куста понятно, где именно находится место происшествия. На третьем снимке место происшествия уже хорошо различимо, получается, что он нужен для перехода от ориентирующей к обзорной фотосъемке? – Сергей вопросительно посмотрел на старого следователя, который кивнул головой, подтверждая правильность вывода.

– Для того чтобы сделать качественную ориентирующую фотосъемку места происшествия необходимо сделать несколько панорам по три-четыре снимка, с разных точек и с большей дистанции, – подвела итог Серафима.

– Я бы еще посоветовал попробовать посмотреть на место происшествия сверху, – предложил следователь.

– Сверху, – ребята были явно озадачены, но потом лицо Симы осветилось догадкой, – ну конечно, можно попробовать сфотографировать из окон главного корпуса (рис. 13).

– Вот и попробуйте завтра, – следователь перевернул страницу, – обзорных снимков делается столько, сколько нужно, и есть одна хитрость – все снимки должны быть информативно связаны друг с другом, с тем, чтобы смотрящий их человек без пояснений понимал, что и где находится на месте происшествия. Для узловой фотосъемки есть свои хитрости – на ней должен быть зафиксирован не только след, но и те неподвижные точки, до которых осуществлялось измерение, или, как говорят криминалисты, «привязка» объекта к местности. Вот посмотрите, – следователь передал оба дела ребятам, которые увлеченно зашуршали страницами, изучая фотографии.

– Николай Валерианович, – через некоторое время ребята подняли на следователя удивленные глаза, – тут какая-то странность.

– Какая? – поинтересовался следователь.

– Смотрите, расположение трупа и ножа на месте происшествия практически совпадают, – ребята развернули дела к следователю, – и поза трупа, и даже положение одежды, неужели это случайность?

Следователь замер, внимательно изучая фотоснимки, потом задумчиво перевернул несколько страниц, и снова замер.

– Так, спасибо большое, ребята, но на сегодня мы с вами закончили, – неожиданно заявил Николай Валерианович, продолжая переворачивать страницы фототаблиц.

Ребята озадачено посмотрели на старого следователя.

– Извините, – спохватился следователь, – вы мне действительно очень помогли, теперь предстоит несколько важных дел, но вас в них я пока посвятить не могу. Жду вас после того, как вы сделаете новые фотографии своего места происшествия, попробуем их сопоставить и посмотрим, что получится.

Ребята стали собирать свои вещи, а следователь, не отрывая взгляда от фотоснимков, поднял трубку телефонного аппарата.

Глава 5. Фотосъемка места происшествия. Продолжение

На следующий день, после занятий, ребята отправились в психоневрологический диспансер. Позавчера в регистратуре было многолюдно, и дежурная сестра, увидев большую пачку бумаг, попросила оставить запросы и не волновать пациентов.

– Зачем вообще нужны эти запросы наркологу и психиатру? – рассуждал Сергей, которому все эти походы с запросами казались нудной обязанностью. – Достаточно просто спросить у обвиняемого – стоит он на учете или нет, ну или просто позвонить в диспансер.

– И как ты приложишь ответ из диспансера? – ехидно поинтересовалась Сима.

– В виде телефонограммы, – быстро нашелся Сергей. – Напишу, что звонил в регистратуру, где мне сообщили, что обвиняемый, например, Мелентьев Игорь Владимирович, 1987 года рождения, на учете не состоит. Я такую телефонограмму в деле Мелентьева у Виталия Анатольевича видел.

– Я тоже видела, – согласилась Сима, – а теперь это дело Николаю Валериановичу передали, а он запрос к наркологу и психиатру сделал. Я позавчера еще у наркологов заметила. Знаешь, Сергей, если Николай Валерианович так сделал, значит запросы нужны, и телефонограммой не обойдешься.

В регистратуре диспансера дежурная сестра, хорошо знавшая ребят, сразу же выдала им пачку документов. Серафима быстро просмотрела все бланки, привычно проверяя наличие печати диспансера и стандартного ответа: «На динамическом учете не состоит». Просмотрев всю пачку, девушка удивленно подняла глаза.

– Извините, – обратилась она к сестре, – но одного запроса не хватает, на Мелентьева Игоря Владимировича, 1987 года рождения.

– Его там нет. Мелентьев стоит у нас на учете, – спокойный голос сестры поразил ребят как удар грома. – Вас просил зайти его лечащий врач, Валерий Васильевич, он принимает в седьмом кабинете.

Пораженные ребята поспешили в кабинет. Валерий Васильевич, худощавый немолодой мужчина в очках, с окладистой седой бородой, был совсем не похож на страшного психиатра из триллеров про психбольницы. Мягко поздоровавшись с ребятами, он вежливо поинтересовался, что натворил его пациент.

– Он обвиняется... – начал Сергей, но в этот момент Серафима ткнула его в бок и парень замолчал.

– Мы точно не знаем, – серьезно сказала девушка, – мы – всего лишь помощники следователя, и пришли с запросами. Я могу только сказать, что он обвиняется в совершении преступления, подробности знает следователь, подписавший запрос.

– Хорошо, – покладисто согласился психиатр и, сделав вид, что он ничего не заметил, протянул Серафиме листок. – Пожалуйста, вот ответ на ваш запрос.

Вместо привычного бланка запроса ребята получили справку, заполненную непонятным «медицинским» почерком. Все, что они смогли разобрать – это данные обвиняемого и слова: «состоит на учете с диагнозом», а дальше сплошные каракули. Психиатр пристально наблюдал за их мучениями, спрятав улыбку в окладистой бороде. Серафима хотела попросить расшифровать содержание справки, но, заметив улыбку и легкий прищур глаз, насторожилась. В ее сознании, как наяву, прозвучал голос психиатра: «Вы – всего лишь помощники и такие подробности вам знать не обязательно». Увидев, что менее наблюдательный Сергей уже открыл рот, собираясь задать тот же вопрос, девушка решительно дернула справку из его руки и демонстративно засунула в кипу запросов.

– Спасибо за сотрудничество, полагаю, следователь с вами свяжется, – Серафима окончательно пресекла попытки Сергея выяснить написанный в справке диагноз.

– А это передайте, пожалуйста, следователю, ведущему дело, – врач протянул визитную карточку, – скажите, что я буду ждать его звонка сегодня с четырех до пяти, у меня как раз будет свободное время.

– Вот тебе и телефонограмма, – заметила Сима, когда они с Сергеем вышли на улицу, – пойдем, обрадуем Николая Валериановича.

В отделе ребята двинулись из кабинета в кабинет, пачка запросов в руках у Сергея быстро истончалась. Держа в руках последние запросы, ребята остановились у двери в кабинет старого следователя.

– Николай Валерианович, – Сима сильно волновалась, и выпалила все на одном дыхании, – это ваши запросы, а это справка на Мелентьева, он состоит на учете в психоневрологическом диспансере, вот карточка врача, он ждет звонка с четырех до пяти.

– Вот как, – следователь сначала просмотрел все запросы, и только потом взял справку и карточку, – значит, я не ошибся, ладно, съезжу в диспансер.

– Зачем в диспансер? – удивился Сергей.

– Раз обвиняемый состоит на учете, то необходимо назначить по делу судебно-психиатрическую экспертизу, а для этого нужно изъять его медицинские документы и допросить лечащего врача. Времени теперь у нас мало, поэтому займемся фотографией. Давайте посмотрим, что у вас получилось.

– Николай Валерианович, – ребята выложили на стол свои отчеты и новые фотографии, – мы попробовали сфотографировать юрфак из окон соседнего корпуса.

– Это просто удивительно, – весело рассказывала Сима, – там столько всего видно. Если честно, я даже не ожидала, что будет такой эффект.

– И я тоже, – добавил Сергей.

Ребята принялись раскладывать перед следователем свои фотоснимки, пока еще не собранные в панорамы. Сергей, у которого дома был фотопринтер, распечатал цветные снимки на фотобумаге. У Серафимы такого принтера не было, ее фотографии были распечатаны обычным лазерным принтером на простой бумаге. На фоне ярких цветных фотографий Сергея ее снимки выглядели серыми и явно проигрывали в качестве.

– Ну вот, – огорчилась девушка, – а на фотоаппарате и в компьютере мои снимки были лучше, чем эти распечатки.

– Цветные фотоснимки всегда лучше черно-белых, – заметил Сергей.

– И чем же они лучше? – вопрос следователя застал ребят врасплох.

– Так они же цветные, – Серафима подняла глаза от разложенных на столе фотографий и осеклась, увидев хорошо знакомую хитрую улыбку.

– И чем цветные фотоснимки лучше черно-белых? – продолжал настаивать Николай Валерианович, его глаза продолжали улыбаться, но в голосе звучал уже знакомый ребятам металл.

По тону и поведению старого следователя ребята поняли, что вопрос этот очень важен, а ответ на него не прост.

– На цветных фотоснимках видно, какого цвета каждый предмет, – осторожно начал Сергей, – а на черно-белых снимках определить цвет предмета сложнее. Например, на цветных хорошо различимы пятна крови, цвет кожных покровов трупа. На черно-белых фотографиях кровь выглядит серым пятном...

– Это факт, – неожиданно согласился следователь, – но скажите мне, пожалуйста, а нет ли чего-то необычного в цветных фотографиях?

– Нет, – решительно ответил Сергей.

– Есть, – неуверенно протянула Серафима.

– Вот как, – внимание следователя переключилось на девушку, – и что же в них необычного?

– Они не точно передают различные оттенки цвета, особенно близкие оттенки, – девушка смутилась.

– Почему ты так думаешь? – мягко поинтересовался следователь.

– Просто однажды мы распечатывали одинаковые фотографии в фотоателье и на фотопринтере у знакомых, так вот они оказались разными, на них оттенки не совпадали.

– И что это значит?

– Это значит, – решительно заявил Сергей, – что цветная фотография передает оттенки с ошибками, а поскольку оттенки могут быть важны, это означает потерю информации. Почему так происходит? И черно-белая фотография совсем не передает цветов, как на ней разобрать оттенки?

– Происходит это из-за разницы в чтении записи о цвете в различных компьютерных программах, используемых для обработки и печати фотографии. Эти расхождения заметны только в том случае, когда мы сопоставим два одинаковых снимка, отпечатанных в разных системах. Черно-белая фотография действительно не передает цвета, – согласился Николай Валерианович, – в этом ее недостаток. Парадокс в том, что в этом и ее преимущество в передаче оттенков. На черно-белой фотографии оттенки одного цвета будут отличаться друг от друга. Кроме того, черно-белая фотография хороша для работы со следами, когда важен не цвет, а контраст.

– Получается, что для фотосъемки места происшествия лучше черно-белая фотография? – неуверенно спросила Серафима.

– Все зависит от целей фотосъемки, – улыбнулся следователь, – давайте еще раз их вспомним и подумаем, какие же фотографии лучше.

Ребята задумались. Перекладывая фотоснимки на столе, сравнивая цветные и черно-белые, Серафима и Сергей пытались представить себе различные варианты использования снимков при допросе, при работе со следами, в суде присяжных.

– Николай Валерианович, – решившись, начал Сергей, – получается, что для работы с людьми, когда мы показываем фотографии при допросе, лучше цветные фотоснимки. Их лучше использовать в том случае, когда оттенки не имеют особого значения. При работе со следами лучше использовать черно-белые фотографии.

– В суде присяжных лучше всего использовать цветные фотоснимки, – дополнила Сима, – я в одном детективе читала, что цветные фотоснимки следов крови и трупа сильно воздействуют на присяжных, склоняя их к обвинительному вердикту.

– И что все это значит? – поинтересовался следователь.

– Это означает, что на месте происшествия необходимо использовать и цветную, и черно-белую фотографию. Необходимо уже при осмотре определять, для чего в дальнейшем будет использован каждый фотоснимок, в чем его информационное значение. Если для нас важны цвета, то нужно использовать цветную фотосъемку, если оттенки, контраст и детали, то черно-белую. Получается, как и во всем остальном, правильное решение о том, что и как фотографировать, принимается только на конкретном месте происшествия, с учетом конкретных обстоятельств и условий осмотра, специфики расследуемого события.

Выдав эту тираду, Сергей посмотрел на собеседников, ожидая ответа.

– Ой, как все это сложно, – Серафима схватилась руками за голову, – получается, что все решения нужно принимать сразу на месте происшествия, да еще и просчитывать возможную реакцию свидетелей, присяжных, возможности экспертного исследования и, наверное, еще кучу всего, о чем мы пока не знаем. Нет, это просто невозможно.

– На самом деле, это только кажется невозможным, – улыбнулся следователь, – с опытом это становится не так сложно, но простым расследование не бывает по природе.

– Николай Валерианович, – Сергей внимательно рассматривал черно-белые распечатки, – а почему у Симиных фотографий такое плохое качество? Или тут тоже есть какая-то ошибка?

– Верно, Сергей, ошибка есть.

– Какая ошибка? – сразу вскинулась девушка, – мои снимки на экране фотоаппарата были значительно лучше.

– Если сделать обычный цветной фотоснимок, а потом распечатать его на обычном принтере, то он потеряет свойства цветного, но не приобретет преимуществ черно-белого.

– Почему? – Сергей и Серафима были сильно удивлены этим заявлением следователя.

– Все очень просто, обычный лазерный принтер не рассчитан на печать фотографий, при распечатке компьютерная программа сильно упрощает изображение и ухудшает его качество. Это связано с разрешением фотоаппарата и разрешением принтера. Большинство современных фотоаппаратов дает разрешение свыше 16 миллионов пикселей, или точек на кадр, а обычный лазерный или струйный принтер дает разрешение 300 точек на дюйм. Поэтому если вы знаете, что не сможете напечатать цветные фотографии, лучше сразу при фотосъемке включить в фотоаппарате режим черно-белой фотографии. В любом случае фотографии распечатанные на обычном принтере будут плохого качества просто потому, что принтер не предназначен для печати качественных фотографий.

– Тогда понятно, – протянул Сергей, – почему фототаблицы в уголовных делах плохого качества.

– Специалисты делают цветные снимки, но почему-то распечатывают их на обычных принтерах и обычной бумаге, – заметила Серафима.

– Кстати, а почему? – ребята вопросительно посмотрели на следователя.

– Обычно ссылаются на отсутствие средств: нет фотобумаги, чернил для фотопринтера и прочие сложности. Гораздо проще и быстрее сделать и распечатать фототаблицу в виде текстового файла, чем возиться с фотографиями и клеем. Параметры фотосъемки в таких фототаблицах указывают далеко не всегда.

– А я в одном уголовном деле видела «Справку о применении фотосъемки», – вспомнила Серафима, – там было написано, что «распечатать фотографии и изготовить фототаблицу не представляется возможным в связи со сбоем компьютерной программы», это как?

– Это значит, что специалист халатно отнесся к своим обязанностям, – жестко бросил Николай Валерианович.

– И что же тогда делать?

– Способов решения этой проблемы есть несколько, самый простой – уволить специалиста как не соответствующего занимаемой должности, – улыбнулся следователь.

– Но самый простой – не значит самый лучший? – серьезно спросил Сергей, – если уволить специалистов из-за одной ошибки, то их совсем не останется.

– Во-первых, – начал Николай Валерианович, – это не ошибка, а халатность. Эти «справки» появились очень давно, когда еще не было цифровой фотографии, только тогда в них писалось о невозможности напечатать фотографии «в связи с заводским дефектом фотопленки». На самом деле дефекты фотопленки встречались не чаще, чем сбой в компьютерной программе. Лично я занимался пленочной фотографией около 20 лет, за это время мне попались только две фотопленки с заводским дефектом. Причем в обоих случаях было частично испорчено только два кадра, а все остальные были в полном порядке. Настоящие причины заключались либо в нежелании специалиста печатать фотографии, либо в ошибках, допущенных им при проявлении фотопленки. Цифровой фотографией я занимаюсь последние лет 15, за это время было много разных событий с моим компьютером, даже система слетала. Файлы с фотоснимками были уничтожены только в одном случае, когда я по ошибке переформатировал диск. Получается, что если фотографии не напечатаны, то, скорее всего, причина в халатном отношении специалиста, либо в его некомпетентности.

– Во-вторых, специалист перед началом осмотра предупреждается от ответственности за исполнение своих обязанностей.

– В-третьих, предоставляя в уголовное дело подобный документ, причем явно не соответствующий действительности, специалист совершает еще одно незаконное действие. Как вы думаете, какое?

– Кажется, я догадался, – неуверенно начал Сергей, – фототаблица является неотъемлемой частью протокола осмотра, а значит доказательством. Представляя подобный документ, специалист тем самым совершает фальсификацию доказательств, а это уже преступление.

– Правильно, – согласился следователь, – Сергей, что ты теперь думаешь по поводу увольнения?

– Думаю, что это слишком мягкое наказание, – сердито ответил парень, – их же сажать надо.

– Николай Валерианович, – встревоженно спросила Серафима, – почему же никто на это не реагирует?

– Почему не реагирует, – улыбнулся следователь, – вот в моих делах все фототаблицы на месте, и такой справки я уже лет 20 не видел.

– А как у вас это получается? – заинтересовались ребята.

– Все просто, лет 20 назад у меня в производстве оказалось несколько дел, в которых вместо фототаблиц были эти самые справки. Я их все собрал, и пошел к эксперту, автору справок. Сказал, что буду его допрашивать в качестве специалиста по делу, и начал задавать вопросы о фотоснимках, фотопленке, параметрах, условиях проявления и самих дефектах, а потом потребовал предоставить мне все дефектные фотопленки. Эксперт заявил, что пленки он уже выкинул, это и было его роковой ошибкой.

– Почему? – удивился Сергей, – вполне логичное объяснение.

– Видишь ли, Сергей, черно-белые фотоматериалы содержали серебро, поэтому все испорченные пленки и реактивы учитывались и сдавались на переработку. Списывались только те фотопленки, которые передавались вместе с фототаблицами в уголовные дела.

– Получается, что выкинуть пленку специалист не мог, иначе его бы заподозрили в незаконном получении драгоценных металлов, – догадалась Серафима.

– После того как начинающий эксперт подписал протокол, – продолжил старый следователь, – мне оставалось только поинтересоваться журналом сдачи фотоматериалов на переработку и показать ему соответствующий рапорт.

– Чем все закончилось? – ребята просто разрывались от любопытства.

– Тем, что на следующее утро на моем столе лежали фотоснимки по всем моим делам, а протокол и рапорт отправились в сейф. Больше этот эксперт подобных справок не составлял и остальным посоветовал со мной не связываться. Эксперт уже давно на пенсии, а моя репутация по-прежнему на меня работает.

– Здорово, – вздохнул Сергей, – жаль, что сейчас так не получится.

– Почему не получится, – удивился Николай Валерианович, – в цифровой фотографии драгоценных металлов нет, но требования закона еще никто не отменял.

– И как же быть? – настойчиво поинтересовалась Серафима, – мы же собираемся стать следователями, как нам поступить в такой ситуации?

– Давайте вместе подумаем, – лукаво улыбаясь, предложил старый следователь.

– Если специалист представил справку о том, что изготовить фототаблицу невозможно в связи со сбоем компьютерной программы, – начал Сергей.

– Его в первую очередь необходимо допросить в качестве специалиста, – подхватила Серафима, – выяснить, что и как он делал в ходе осмотра места происшествия и после. Что именно он делал с фотоаппаратом и флешкартой, каким образом переносил файлы в компью-

тер, как обрабатывал, на каком компьютере, в чем именно заключался сбой программы, какие еще файлы пострадали, куда он дел флешкарту.

– Основная задача проверить, в чем действительная причина повреждения файлов, если причина в дефекте оборудования, то он должен быть устранен, если причина в действиях специалиста, то он должен понести за это ответственность, – жестко закончил Сергей.

– Я думаю, что ответственность это не главное, – покачала головой Сима, – если фотографии могут быть восстановлены, тогда главное их восстановить. Специалист, в свою очередь, должен осознать, что за халатное отношение он может быть привлечен к ответственности.

– Тогда что же, по-вашему, в этой ситуации главное? – поинтересовался следователь.

– Пригрозить наказанием, – заявил Сергей.

– Не согласна, – возразила Серафима, – главное показать специалистам, что мы знаем свои права и их обязанности, разбираемся в основах их работы, и готовы жестко реагировать на любые нарушения или халатность. Нужно создать себе соответствующую репутацию, и она будет работать.

– А если вы установите, что в уничтожении файлов виновато оборудование?

– Тогда нужно установить, были ли такие случаи раньше, если да, и с тем же оборудованием, то это вина специалиста и его руководства. Им было известно о неисправности оборудования, но его не починили или не заменили, значит, мы имеем дело с халатностью. Если оборудование впервые вышло из строя, то об этом нужно поставить в известность руководство с тем, чтобы в других делах такого сбоя не было.

– В любом случае решение нужно принимать, учитывая все обстоятельства события, – подвел итог Сергей.

– Руководствуясь при этом законом и совестью, – продолжила Серафима, старательно подражая его интонациям.

Следователь улыбнулся, а ребята весело рассмеялись. Сергей и Серафима собрали свои фотографии и стали раскладывать их в панорамы.

– Ну вот, – Серафима была явно расстроена, – опять у меня фотоснимки в панораму не собираются.

У Сергея дела обстояли не лучше. При попытке разложить фотографии, ребята обнаружили, что снимки между собой не стыкуются.

– Почему опять ничего не получается, – Серафима в сердцах бросила фотографии на стол.

– Давай вместе попробуем, – мягко предложил следователь, собирая разбросанные девушкой фотоснимки.

– Для начала напомните мне, что такое панорама, какие они бывают, как выполняется панорамная фотосъемка? – поинтересовался Николай Валерианович, раскладывая снимки в один ряд перед собой.

– При панорамной фотосъемке делается несколько последовательных снимков, которые в дальнейшем собираются в одну большую панораму, – послушно отчеканила Сима.

– Панорамы бывают круговая и линейная, – подхватил Сергей, – при круговой панораме снимки выполняют из одной точки, поворачиваясь по кругу (рис. 14), а при линейной, перемещаются на равные расстояния параллельно объекту фотосъемки (рис. 15).

– Еще бывают одноярусная и многоярусная панорамы, – продолжила Серафима, – у одноярусной снимки идут в один ряд, в высоту или в длину, а у многоярусной в несколько рядов, получается и в высоту и в длину одновременно.

– Хорошо, – подбодрил следователь, – а какие у вас панорамы?

– У меня одноярусные круговые, – ответил Сергей.

– И у меня, – добавила Сима.

– Каким образом соединяются панорамные снимки?

– При фотосъемке нужно сделать так, чтобы снимки накладывались один на другой, – пояснила девушка, – преподаватель говорил о том, что зона наложения должна занимать 10% каждого снимка.

– А как сделать эту зону наложения?

– При фотосъемке нужно засечь какой-нибудь приметный объект или ориентир, расположенный на краю кадра, – объяснил Сергей, – при следующем снимке нужно сделать так, чтобы этот объект располагался на противоположенном краю кадра.

– Вы так сделали? – поинтересовался следователь.

– Да, – в один голос ответили ребята.

– Тогда давайте посмотрим, вот этот снимок, как я понимаю, первый? – Николай Валерианович взял один из Симиных фотоснимков.

– Верно, – согласилась девушка, – а вот этот второй, но они не стыкуются.

– Почему не стыкуются, – лукаво улыбнулся следователь, – а если их передвинуть вот так?

Следователь передвинул фотографии так, что край одного снимка наложился на край второго, но не полностью, первый снимок оказался чуть ниже, а второй выше.

– Ой, – удивленно воскликнула девушка, – а я об этом не подумала, теперь я знаю, как их собрать.

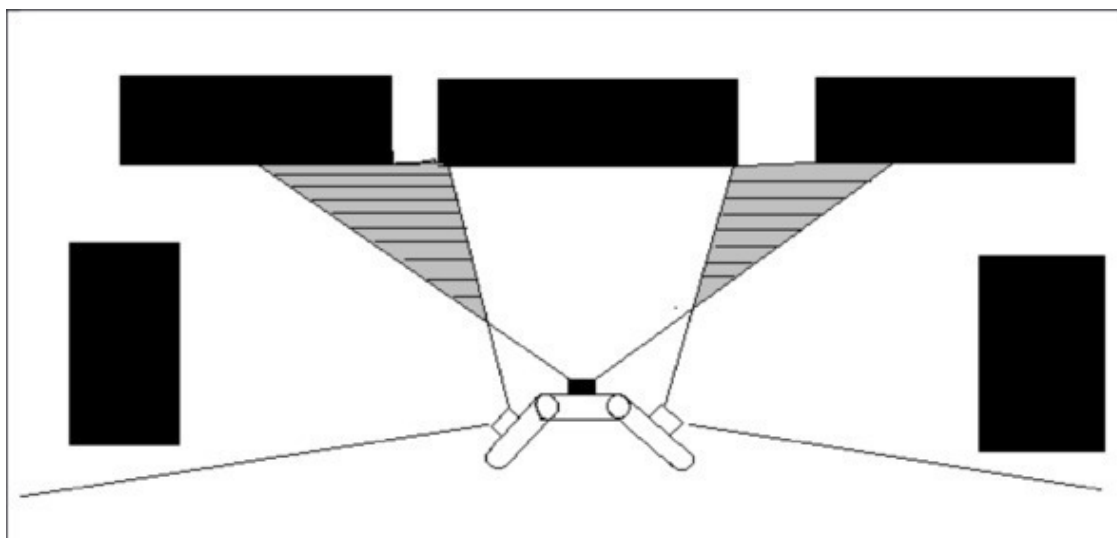

Рис. 14. Круговая панорама

Фотосъемка панорамы осуществляется посредством поворота фотоаппарата, при этом фотограф должен оставаться в одной точке, стыковка фотоснимков осуществляется по средней линии зоны наложения.

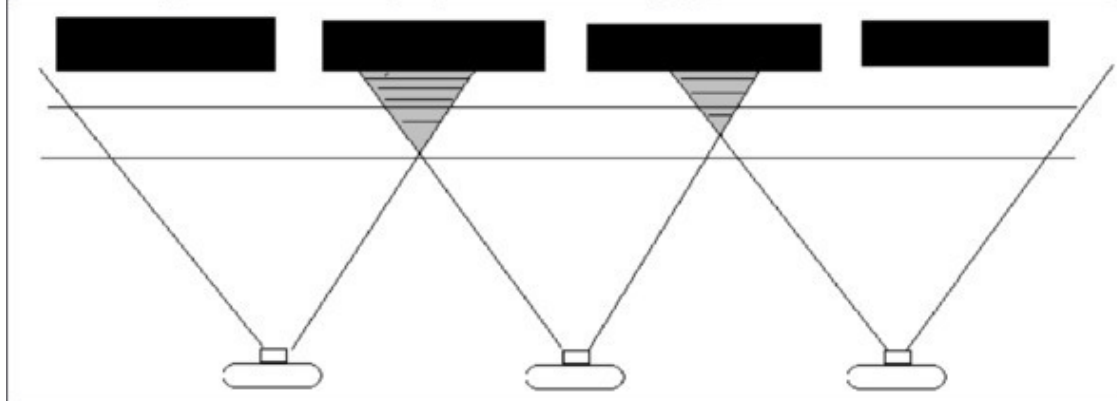

Рис. 15. Линейная панорама

Фотосъемка панорамы осуществляется посредством перемещения фотоаппарата параллельно основной смысловой линии места происшествия. Фотограф должен перемещаться на равные расстояния, расстояние от точки съемки до центральной линии места происшествия должно быть одинаковым во всех точках, угол разворота фотокамеры должен быть прямым. Стыковка фотоснимков осуществляется по центральной линии зоны наложения

Собрав свои снимки, Серафима быстро разложила их на панорамы, перекрывая зоны наложения (рис. 16). Сергей, внимательно наблюдавший за действиями следователя, тоже сообразил, как правильно собрать панорамы, но одна упорно не желала собираться.

– Николай Валерианович, – через пару минут парень сдался, – у меня одна панорама собираться не хочет.

– А она у тебя и не соберется, – заметил следователь, – она сделана неправильно.

– Почему неправильно? – удивился Сергей.

– Она у тебя сделана методом линейно-круговой панорамы, – улыбнулся следователь, – поэтому она и не собирается.

– Сергей, нас же на лекции преподаватель предупреждал о том, что нельзя соединять линейную и круговую панораму, – Серафима рассмеялась, – а ты что сделал?

– Там дерево обзор закрывало, пришлось сделать три шага в сторону, – вздохнул Сергей, – и из-за этих трех шагов панорама не собирается?

– Именно, – улыбнулся следователь, – ваши фотоаппараты и так не предназначены для криминалистической фотосъемки, а тут еще смещение, такая панорама ни при каких обстоятельствах не соберется.

– Так что же мне нужно было делать? – спросил Сергей.

– Правильно выбирать точку для фотосъемки, – неожиданно вмешалась Серафима, – прежде, чем фотографировать, нужно было убедиться, что тебе ничего не мешает. Если бы ты все сначала проверил, то сразу бы переместился, и панорама была бы правильной.

– Понятно, – Сергей отложил фотоснимки в сторону, – завтра переделаю.

– Как будем собирать панораму дальше? – поинтересовался следователь.

– Фотоснимки нужно обрезать, по средней линии зоны наложения, и потом склеить с обратной стороны скотчем, – вспомнила Сима, – вот только я не понимаю как?

– Очень просто.

Рис. 16. Ориентирующая фотосъемка, выполненная методом круговой панорамы, из окна аудитории, расположенной на пятом этаже корпуса механико-математического факультета.

Рис. 17. Ориентирующая фотосъемка, выполненная методом круговой панорамы, зафиксированы пути подхода к крыльцу корпуса юридического факультета.

Рис. 18. Ориентирующая фотосъемка, выполненная методом круговой панорамы, встречный вид на окружающую обстановку с места происшествия.

Николай Валерианович сложил два фотоснимка так, чтобы изображение на них совпало. Потом взял карандаш и линейку, аккуратно провел тонкую линию примерно посередине совпадающей зоны и разрезал оба снимка по линиям. Отрезав кусочек широкого скотча, следовательно положил его на стол липкой стороной вверх. Взяв первый фотоснимок, Николай Валерианович аккуратно положил его на скотч, так чтобы линия разреза проходила посередине липкой ленты. Состыковав изображение на обоих фотоснимках, следовательно приклеил второй снимок, который оказался несколько выше первого. Обрезав лишний скотч, Николай Валерианович показал ребятам два собранных в панораму фотоснимка.

– Как видите, скотч приклеен к оборотной стороне, и он не только соединил снимки, но и обеспечил панораме определенную гибкость, что позволит приклеить к фототаблице только один снимок, а все остальные просто сложатся как гармошка.

– Нужно ли подравнять панораму по высоте? – неожиданно спросил следователь, лукаво глядя на Серафиму.

– Хеет! – воскликнула девушка, – это мы уже проходили.

Все трое весело рассмеялись. Пока старый следователь просматривал уголовное дело и складывал в папку бланки протоколов, ребята собирали, обрезали и склеивали свои панорамы.

– Николай Валерианович, – через некоторое время Сима решилась задать вопрос, который видимо ее сильно волновал, – получается, что для применения фотосъемки следователю нужно столько всего знать, учитывать и использовать. Как все это удержать в голове, не забыть и не перепутать?

– Хороший вопрос, – улыбнулся старый следователь, – на который у меня есть только один совет: «Постоянно изучать что-нибудь новое, и постоянно тренироваться применять все то, что ты знаешь для решения повседневных задач, и просто для развлечения».

– Мы с вами обсудили много интересного, но фотография это огромный интересный и прекрасный мир, в который вы сейчас смотрите через замочную скважину. Мы не обсуждали такие вещи как экспозицию, ее значение и выбор, различные условия и способы освещения, макро- и микрофотосъемку, особенности портретной, пейзажной и спортивной фотосъемок. Попробуйте найти и изучить различные книги по фотографии, а потом постарайтесь увидеть все это в своих фотоснимках.

– Все, ребята, закругляемся на сегодня, – следователь посмотрел на часы, – мне нужно в диспансер, врач ждет.

Глава 6. Фотосъемка места происшествия. Окончание

На следующий день после занятий, ребята разделились. Сергей отправился переделывать панораму, а Серафима искать преподавателя, чтобы узнать дату пересдачи.

– Пересдача будет через три недели, – объявил преподаватель Симе и остальным страждущим, – отчеты представляете с уже исправленными ошибками. Еще раз напоминаю, что ошибки нужно исправлять цветными ручками. Фототаблицы переделывать полностью, и вшивать в отчет. Все документы с ошибками должны оставаться в отчете.

– Ребята, я еще раз вас предупреждаю, – Серафиме показалось, что преподаватель смотрит именно на нее, – пожалуйста, вы можете обращаться за помощью и советами к практикам, но помните, они делают все «как обычно», а вы должны сделать так, как этого требуют закон и криминалистическая наука.

Озадаченная последним высказыванием, Серафима отправилась к Сергею. Обсудив предупреждение преподавателя, ребята решили рассказать о нем Николаю Валериановичу, и поспешили в отдел.

В отделе в этот день царил настоящий хаос. Двери кабинетов руководителя следственного подразделения и его заместителя были открыты нараспашку, чего раньше никогда не было. По коридору носились встревоженные оперативники. Откуда-то доносился хриплый голос начальника убойного отдела главка, которому отвечал начальник криминальной полиции района, оба явно ругались не на шутку.

Поднявшись на второй этаж, ребята зашли в кабинет своего следователя, Виталия Анатольевича. К их удивлению кабинет был не заперт, но его владелец отсутствовал. Ребята как обычно повесили одежду на вешалку и расположились на своем рабочем месте у маленького стола. Сергей, по привычке внимательно огляделся и увидел торчащий из-под сейфа уголок конверта. Этот конверт лежал там уже несколько дней и каждый раз привлекал внимание парня. Сергею было очень интересно, что за конверт лежит под сейфом и как он там оказался. Воспользовавшись тем, что Виталия Анатольевича в кабинете не было, парень присел около сейфа и, аккуратно зацепив уголок ногтями, мягко потянул. Конверт оказался грязным и мятым, но что удивительно, это был конверт с дактопленками, опечатанный и подписанный по всем правилам. Изучив пояснительную надпись, ребята поняли, что это дактопленки с того самого места происшествия, которое совпало с делом 15-ти летней давности, и по которому в качестве обвиняемого проходил уже известный им Мелентьев.

– Интересно, – заметила Серафима, разглядывая конверт, – я печатала постановление о назначении дактилоскопической экспертизы по тому делу, там конверт был другой, странный.

– Как это странный? – удивился Сергей.

– На нем пояснительная надпись была сделана почерком Виталия Анатольевича, и подписи понятых совсем не похожи на те, что в протоколе.

– А эти похожи? – напряжение Сергея передалось девушке.

– Эти похожи, и почерк эксперта, я его узнала, – серьезно произнесла Серафима, внимательно изучив конверт.

– Это что же получается? – девушка подняла глаза и недоверчиво посмотрела на друга.

– Это означает, что Виталий Анатольевич фальсифицировал доказательства по уголовному делу, – жестко отрезал Сергей, – и нам нужно об этом сообщить руководству.

Серафима печально вздохнула, ей нравился веселый и обаятельный следователь. Она даже была в него немного влюблена, но старательно это скрывала. Хорошо зная характер своего друга, его неумную жажду справедливости и честность, девушка понимала, что он не промолчит и не остановится. Более рассудительная, чем импульсивный Сергей, Серафима пред-

видела, что их ожидают огромные проблемы, которые могут поставить крест на их надежде когда-нибудь стать следователями.

Дверь кабинета распахнулась, и влетел взбешенный Виталий Анатольевич, следом зашли Николай Валерианович и руководитель следственного подразделения. Ребята вжались в стулья, старательно делая вид, что их нет. Серафима предусмотрительно накрыла ладошкой найденный конверт.

– Все ваши домыслы – чистой воды совпадения, – сердито выкрикнул Виталий Анатольевич, – подумаешь, расположение трупов и ножей совпадает. Мелентьев – виновен в последнем убийстве, и дактилоскопическая экспертиза это подтверждает. На рукоятке ножа были найдены именно его отпечатки.

– С этой экспертизой не все так гладко, – серьезно заметил Николай Валерианович, – мне кажется, Виталий Анатольевич, вы это отлично знаете.

– Хотите обвинить меня в фальсификации доказательств? – ехидно бросил следователь.

– Да, – неожиданно влез Сергей. Серафима сдавлено охнула.

– Так, посторонние, – Виталий Анатольевич жестко посмотрел на ребят, – немедленно покиньте мой кабинет, и чтобы я вас обоих больше в отделе не видел.

– Подождите, Виталий Анатольевич, – внезапно вмешался руководитель подразделения, – это не посторонние, они ваши помощники и, мне кажется, у них есть что сказать.

– С этой минуты они мне больше не помощники, – сердито бросил следователь, – пусть идут к кому хотят.

Начальник следственного отдела серьезно посмотрел на ребят и жестом приказал оставаться на местах. Николай Валерианович пристально глянул в глаза сначала Сергею, потом Серафиме.

– Итак, – руководитель сел на свободный стул и повернулся к Сергею, – слушаю тебя внимательно. Парень, ты выдвинул серьезные обвинения в адрес следователя. Есть ли у тебя какие-нибудь доказательства?

– Есть, – Сергей выдернул конверт из-под Симиной ладони и положил на стол, – это настоящие дактопленки с места убийства, а те, что были направлены на экспертизу – поддельные.

Николай Валерианович открыл принесенное с собой уголовное дело и выложил на стол постановление о назначении экспертизы и еще один конверт с дактопленками.

– Почему ты считаешь, что твой конверт настоящий, а тот, что в деле поддельный? – серьезно спросил старый следователь.

Все, кто находился в кабинете, внимательно смотрели на парня, который почувствовал себя очень неуютно. По его спине предательски потекла холодная струйка пота, он внимательно посмотрел на второй конверт, и увидел то, о чем ему говорила Серафима.

– Посмотрите на конверты, – начал Сергей, с трудом справившись с дрожью в голосе. – Тот, что мы с Серафимой только что нашли под сейфом, подписан специалистом и понятыми, надпись на нем сделана специалистом. На втором конверте надпись сделана почерком Виталия Анатольевича, подписи понятых не похожи на те, что на нашем конверте и в протоколе осмотра места происшествия.

Николай Валерианович развернул на столе протокол осмотра и вместе с руководителем стал внимательно изучать документы и конверты. Сергей поднял глаза на Виталия Анатольевича и увидел, что следователь побледнел как полотно. Руководитель и старый следователь закончили свое исследование и подняли глаза.

– Виталий Анатольевич, – руководитель обратился к подчиненному подчеркнуто официально, – немедленно сдайте мне все дела, материалы и вещественные доказательства.

– Сергей и Серафима, спасибо за вашу помощь, – начальник следственного отдела повернулся к ребятам, – ваш следователь только что уволился по собственному желанию. Приходите завтра, я вас к кому-нибудь определю.

– Зачем же ждать до завтра, – вмешался Николай Валерианович, – я возьму их к себе. Ребята, собирайте вещи и ждите меня около кабинета.

Ребята собрали свои вещи и вышли, тихо притворив дверь. Что происходило за закрытой дверью ребята так и не узнали. В последующие несколько дней Виталий Анатольевич, встречаясь с ними в коридоре, демонстративно отворачивался в сторону и делал вид, что их не существует. Его действительно уволили из следственного комитета, но к уголовной ответственности привлекать не стали, чем Сергей был сильно недоволен, но никому об этом не сказал.

События того памятного дня на этом не закончились. Ребята потеряно ждали Николая Валериановича в коридоре возле его кабинета. Им было грустно и немного противно, каждый ощущал себя предателем.

– Не грустите, молодежь, – старый следователь старательно делал вид, что ему весело, но морщинки в уголках глаз его выдавали. – Входите, располагайтесь, будьте как дома, но не забывайте, что вы в следственном комитете.

Отперев дверь, следователь впустил ребят в свой кабинет. Распахнув одежный шкаф, он выдал им по вешалке для верхней одежды, показал полку, на которую следовало убирать сумки. Пока ребята возились с одеждой, Николай Валерианович прошел к окну, налил воды в чайник и щелкнул кнопкой включения.

– Полагаю, что нам всем нужно выпить горячего сладкого чая, успокоиться и решить, как жить дальше, – следователь по очереди пристально посмотрел на ребят.

– Или ближе, – в кабинет вошел руководитель подразделения, – мне бы тоже чайку, а то день выдался хлопотный.

Николай Валерианович поставил на стол сахарницу, вазу с печеньем и конфетами, пачку чайных пакетиков, три стакана в подстаканниках и свою потертую кружку. Чайник запарил и щелкнул отключившись. Следователь перенес его на стол и разлил кипяток. Ребята, повесив головы, уткнулись в свои стаканы, они чувствовали, что старшие внимательно за ними наблюдают, и от этого им становилось не по себе.

– Сергей и Серафима, – после длительной паузы обратился к ним начальник отдела, – к сожалению, вы сегодня стали свидетелями и участникам самого отвратительного события, которого лично я даже представить себе не мог. Наш коллега предал свою Присягу, нарушил Закон, бросив тень на всех следователей. В силу ряда причин мы не будем привлекать его к уголовной ответственности, только постараемся исправить то, что он натворил. В этой непростой ситуации вы оба проявили наблюдательность, внимательность и, самое главное, честность. Своими действиями вы доказали, что достойны со временем стать следователями. Единственное, о чем я вас хочу попросить – сохранить данное событие в тайне.

Ребята послушно кивнули головами, соглашаясь с этим пожеланием. Все заметили, что Сергей с трудом подавил возмущение.

– Николай Валерианович, – руководитель подразделения встал, – вы берете себе в помощники достойных ребят.

– Сергей, Серафима, – руководитель протянул ребятам красные картонки удостоверений, – вот ваши удостоверения помощников, продолжайте в том же духе, и я буду рад назвать вас следователями.

Пораженные ребята взяли заветные корочки. Они ждали их целый год, Виталий Анатольевич постоянно кормил их «завтраками», и они уже не надеялись стать официальными помощниками. Руководитель пожал им руки, улыбнулся и вышел.

– Ну, что помощники, – Николай Валерианович посмотрел на взволнованные лица ребят и рассмеялся, – начнем работу. Мы с вами за эти два дня столько дров наломали, что все руководство в шоке. Будем вместе спасать репутацию всего подразделения.

– А как мы будем ее спасать? – спросила Серафима.

– И каких это дров мы наломали? – заинтересовался Сергей.

– Как вы помните, занимаясь с вами фотографией, я поднял дело пятнадцатилетней давности, – начал следователь. – Тогда обнаружилось совпадение старого убийства с делом Мелентьева, и возникло много вопросов. Я напряг уголовный розыск и неожиданно выяснилось, что за последние пять лет в этом месте было совершено еще два убийства, и все совпадали со старым делом. Самое плохое, что по тем двум делам люди уже осуждены, расследование по ним проводил тот же следователь, что и начинал дело Мелентьева, а раскрывали все три преступления сотрудники убойного отдела главка. Я уже затребовал два других дела из архива областного суда, завтра их должны привезти.

– Почему никто раньше этого совпадения не заметил? – сердито спросил Сергей.

– Причин этому много, – с сожалением вздохнул старый следователь, – человеческое восприятие и память не совершенны. Перед вами я смотрел оба дела, и не обратил внимания на совпадения деталей, пока вы мне на них не указали. Так же оперативники и следователи, мало кто из них хорошо помнит старые дела, особенно если они были направлены в суд и завершились обвинительным приговором.

– А как же криминалистическая регистрация? – спросила Серафима, – мне кажется, она должны выявлять такие совпадения.

– По замыслу должна, – согласился следователь, – а по факту практически ничего не дает, потому что из регистрации превратилась в статистику.

– Почему Виталию Анатольевичу удалось так легко подделать отпечатки пальцев? – Сергей задал волновавший его вопрос, – ведь если бы я не нашел конверт, то его бы не удалось разоблачить.

– С конвертом тебе действительно повезло, – согласился следователь, – и вы мне сильно помогли, предоставив прямое доказательство. У меня были только косвенные.

– Какие косвенные? – сразу заинтересовался Сергей.

– Допрос специалиста, который выезжал на место происшествия и заявил, что лично он упаковывал дактопленки в конверт и писал пояснительную надпись. Он уверен, что конверт, направленный на экспертизу, совсем не тот, который был им оформлен на месте происшествия. Специалист утверждает, что следы папиллярных узоров, найденные на месте преступления, относились к другому типу и не совпадают с присланными на экспертизу. Допрос эксперта, который, ознакомившись с ножом, уверен, что присланные на экспертизу следы пальцев рук, по своим размерным характеристикам не могли образоваться на рукоятке ножа. Оставалось еще допросить понятых, но благодаря вам этого не потребовалось.

– Получается, что любой следователь может вот так запросто подменить любое вещественное доказательство, и выявить это так сложно? – ребята были поражены своим открытием.

– К сожалению да, в уголовно-процессуальном законе есть существенный пробел, которым Виталий Анатольевич и воспользовался.

– Кажется, я поняла какой пробел, – неожиданно заявила Серафима, – нам про него преподаватель говорил.

– Вот как, – заинтересовался Николай Валерианович, – и что же он вам говорил?

– При обнаружении и изъятии следов и предметов, они описываются в протоколе, упаковываются, упаковка подписывается участниками следственного действия и опечатывается. После окончания следственного действия упакованные объекты хранятся у следователя, который фактически может сделать с ними все что угодно, в том числе и подменить. Дело в том,

что эксперт, который потом получает объекты, не знает, что именно было обнаружено на месте происшествия и каким образом упаковано. Он исследует только то, что ему прислали. Суд в дальнейшем основывается на том, что вещественные доказательства поступили на экспертизу упакованными и опечатанными, следов вскрытия упаковки не было. Получается, что достоверность изъятых и исследованных объектов подменяется ссылкой на отсутствие следов вскрытия упаковки, а упаковка-то может быть полностью подделана. По правилам проведения экспертных исследований, эксперт должен сначала сфотографировать упаковку предоставленного объекта, но они часто этого не делают. Идентифицировать следы, предметы и их упаковку по текстовым описаниям практически невозможно. Получается, что следователь может подменить любое вещественное доказательство, и выявить это практически невозможно, – грустно закончила Серафима.

– А говорил ли вам преподаватель, как можно защититься от этого? – поинтересовался старый следователь.

– Говорил, – воскликнул Сергей, его лицо озарилось пониманием, – фотосъемкой.

– Вот как, – удивился следователь, – и как фотосъемка может защитить предметы и следы от подмены?

– При осмотре места происшествия необходимо фотографировать не только все изымаемые предметы и следы, по фотоснимкам их легче идентифицировать, чем по описанию, но и их упаковку. Если в деле есть фотоснимки предметов и следов, то можно сопоставить фотоснимки, сделанные в ходе осмотра, с фотоснимками, сделанными в ходе экспертного исследования. Однако этого недостаточно, для полного обеспечения достоверности объектов необходимо сопоставить фотоснимки их упаковки. Если фотоснимки упаковки, сделанные на месте происшествия и экспертом, совпадают, то можно быть уверенным в том, что объекты не были изменены.

– А если в деле нет фотоснимков следов и их упаковки, как тогда быть? – поинтересовался следователь.

– Значит они все – недостоверны, – жестко произнес Сергей, – и не могут быть положены в основу обвинительного приговора.

– А я с этим не согласна, – возразила Серафима, – они скорее сомнительны, а если устранить эти сомнения невозможно, тогда все сомнения должны быть истолкованы в пользу обвиняемого.

– Получается, что все изымаемые объекты и их упаковка должны быть обязательно сфотографированы, – подвел итог следователь, – а как именно?

– Предметы и следы фотографируются в ходе осмотра, – начала Серафима, – сначала в том виде, в каком они были обнаружены, по правилам узловой фотосъемки.

– На узловой фотосъемке, – подхватил Сергей, – помимо самого предмета должна быть видна часть обстановки места происшествия, причем с теми неподвижными точками, до которых осуществлялась «привязка» предмета при проведении измерений.

Рис. 19. Обзорная фотосъемка места происшествия.

Рис. 20. Обзорная фотосъемка места происшествия. Фотоснимок выполнен с другого ракурса.

Обзорные фотоснимки выполненные с расстояния до 10 метров, позволяют получить впечатление об обстановке места происшествия в целом (рис. 19-20).

Рис. 21. Обзорный фотоснимок места происшествия

Рис. 22 Обзорный фотоснимок места происшествия

Обзорные фотоснимки могут выполняться и в границах места происшествия, в данном случае они предназначены для получения более полного представления об обстановке места происшествия и взаимного расположения отдельных предметов (рис. 19-22).

Рис. 23 Узловой фотоснимок студенческого билета

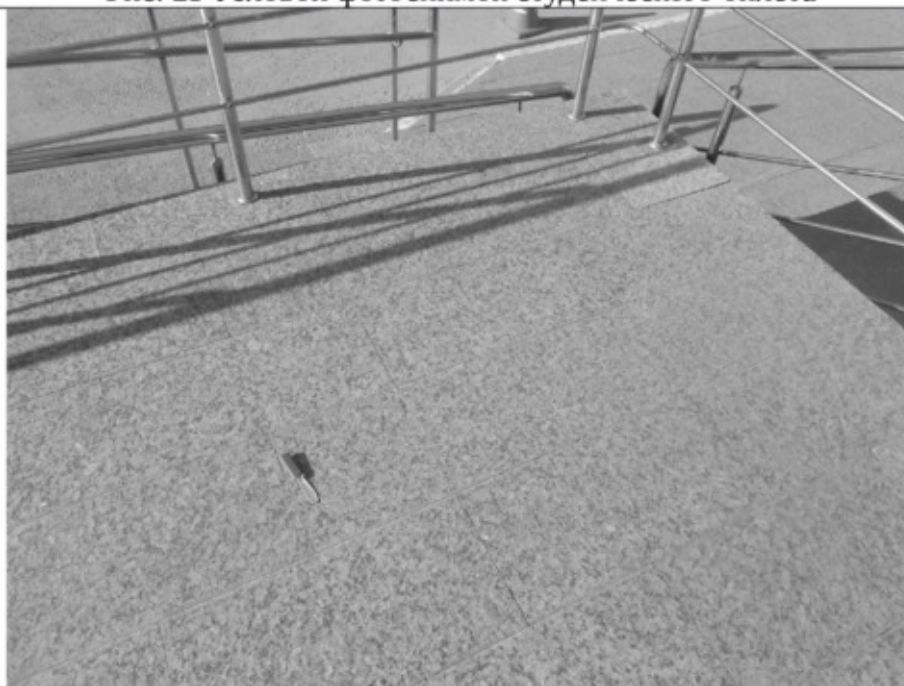

Рис. 24 Узловой фотоснимок заточки

На узловых фотоснимках должны быть отражены не только сами предметы, но и те неподвижные точки, до которых осуществлялась их «привязка» на месте происшествия (рис 23-25).

Рис. 25

Рис 26. Детальный фотоснимок заточки.

Рис. 27 Детальный фотоснимок студенческого билета

Рис. 28 Детальный фотоснимок разворота студенческого билета

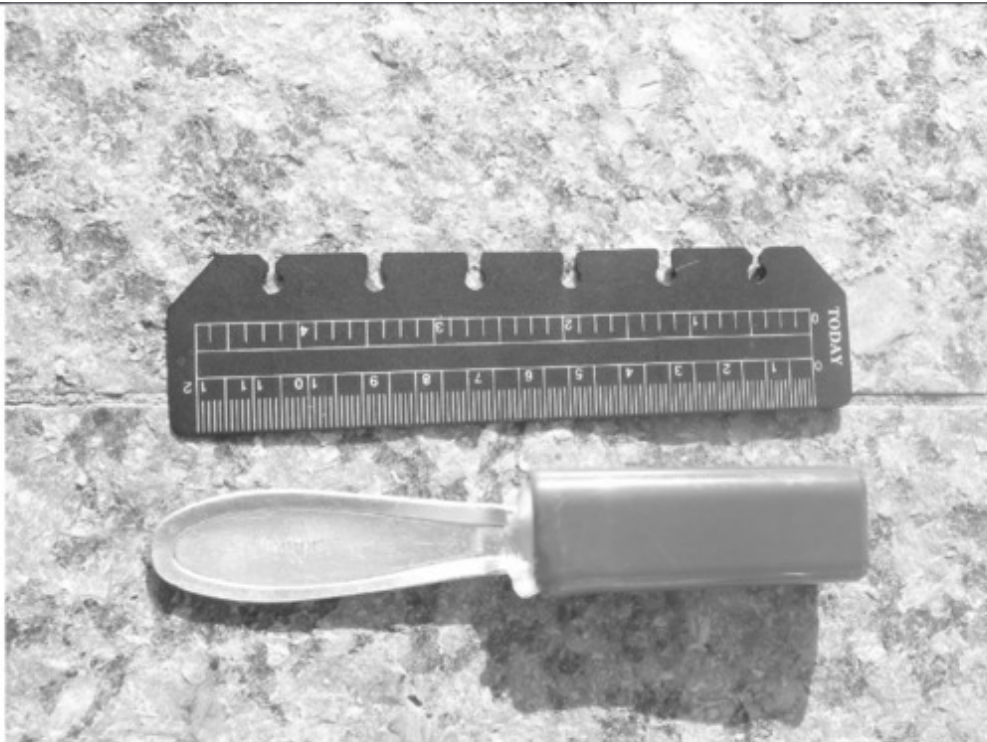

Рис. 29 Детальная фотосъемка с ошибкой

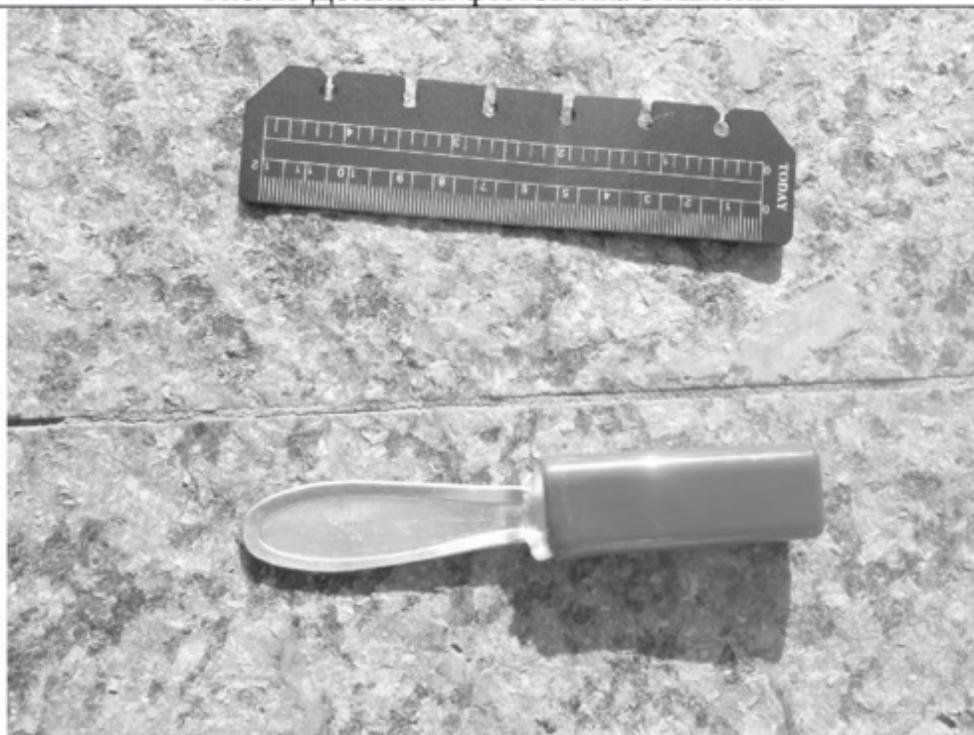

Рис. 30 Детальная фотосъемка с ошибкой

Наиболее распространенные ошибки при детальной фотосъемке:

- неправильная кадрировка, при которой в центре снимка оказывается не

объект, а масштабная линейка (рис. 29);

- неправильное расположение масштабной линейки: слишком далеко или слишком близко, вне плоскости объекта, не параллельно объекту (рис. 30).

– Потом предмет или след фотографируют по правилам детальной фотосъемки, – продолжила девушка, – рядом с ним кладут масштабную линейку (рис. 23). Она нужна для того чтобы по фотографии можно было определить размерные характеристики объекта. Первый раз предмет фотографируют в том виде, в каком его нашли (рис. 23—24). Затем предмет может быть перенесен в более удобное место, осмотрен и сфотографирован в разных видах или с разных сторон. Например, на месте происшествия мы нашли студенческий билет в закрытом состоянии. Мы его фотографируем по правилам детальной фотосъемки в закрытом состоянии, там, где нашли. Потом переносим на лист бумаги и фотографируем, сначала в закрытом состоянии, потом разворот (рис. 25), потом обратную сторону, и можно обложку в раскрытом положении, и все снимки делаем с масштабной линейкой.

– Если на месте происшествия обнаружены следы пальцев рук, – начал Сергей, но увидев, что следователь нахмурился, а Серафима подняла бровь, поправился, – точнее папиллярных узоров, они фотографируются по правилам детальной фотосъемки (с масштабной линейкой) не менее трех раз. Сначала в том виде, в каком были обнаружены (рис. 28), второй раз после обработки порошками или реактивами (рис. 29), третий раз фотографируют дактопленку, на которую откопирован след (рис. 30).

Рис. 31 Детальный фотоснимок следа папиллярных линий, обнаруженного с применением косо падающего освещения. След не обработан.

Рис. 32. Детальная фотосъемка следа папиллярных линий, обработанного темным дактилоскопическим порошком ПМД-Ч.

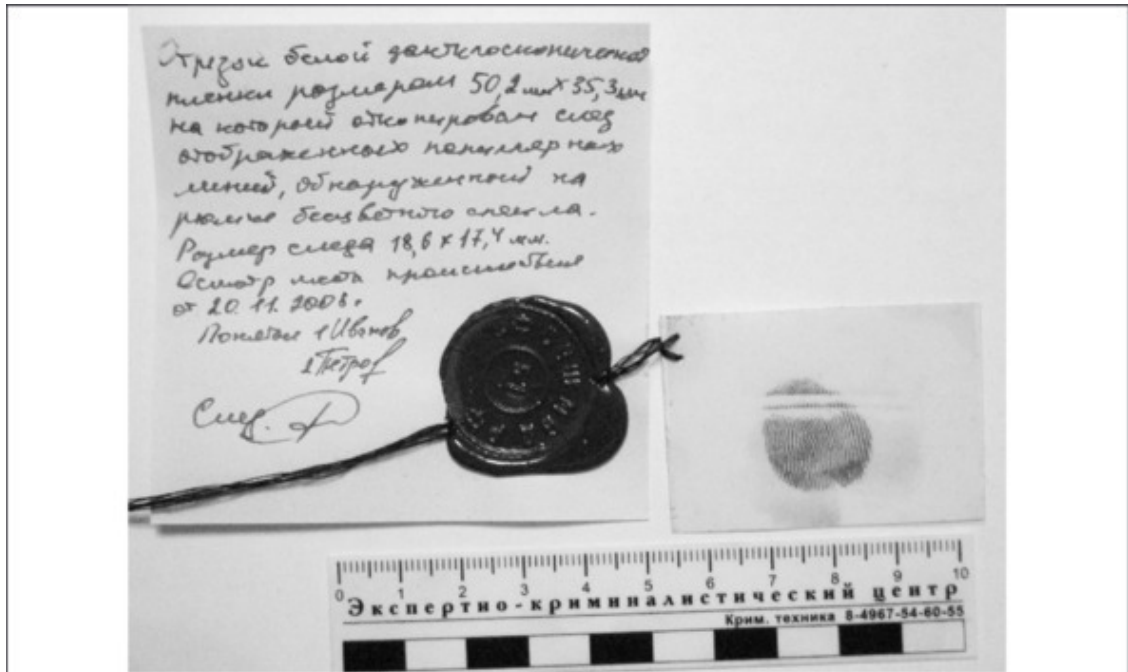

Рис. 33 Детальная фотосъемка отрезка белой дактилоскопической пленки, на которую откопирован обработанный темным порошком след папиллярных линий.

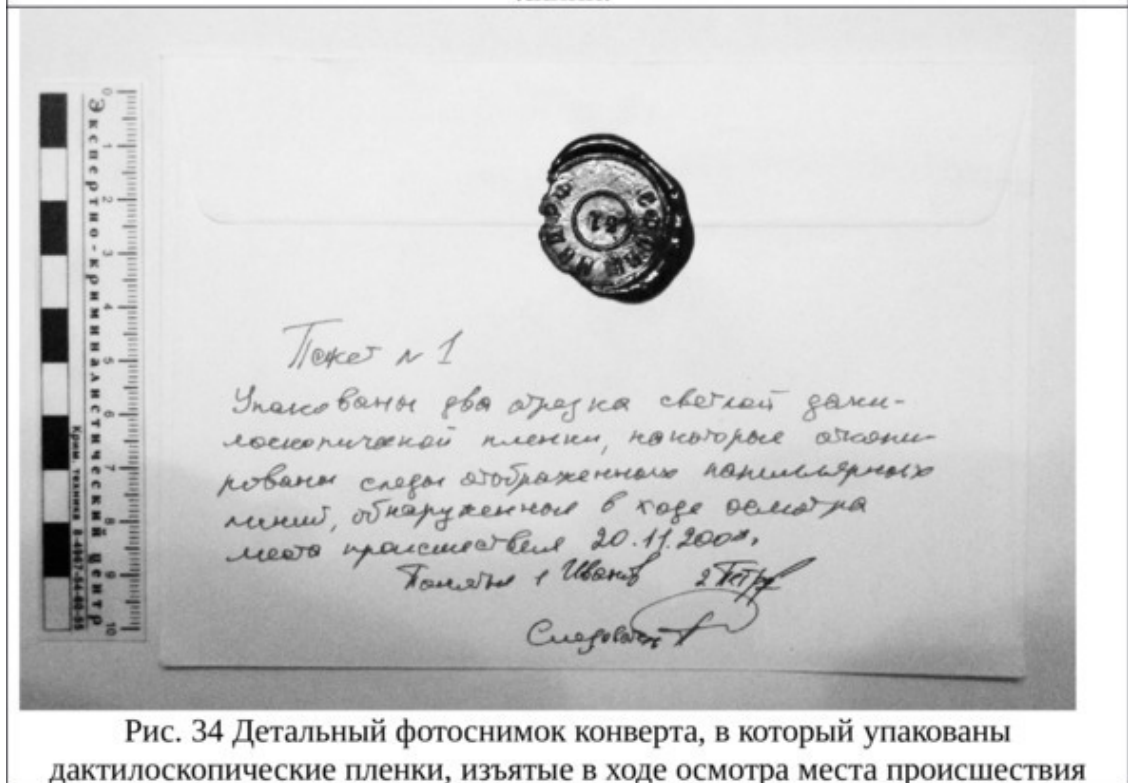

Рис. 34 Детальный фотоснимок конверта, в который упакованы дактилоскопические пленки, изъятые в ходе осмотра места происшествия

– Получается, – заключила Серафима, – после того как объект упакован, упаковка снабжена пояснительной надписью, подписана понятыми, специалистом и следователем, она должна быть сфотографирована по правилам детальной фотосъемки (рис. 34).

– Николай Валерианович, – девушка была явно озадачена, – а если мы упаковываем объекты, например, дактопленки, в обычный почтовый конверт, его нужно с двух сторон фотографировать?

– Почему с двух сторон? – удивился следователь.

– Пояснительная надпись пишется с лицевой стороны конверта, ну там где адрес, там же подписи понятых, а опечатывается клапан, он с другой стороны конверта, – девушка показала на злополучный конверт.

– Этот конверт упакован не правильно, – следователь покачал головой, – когда мы что-то упаковываем в обычный почтовый конверт, то мы же не письмо пишем. Такой конверт подписывается не как письмо, а только со стороны клапана, там же располагается оттиск печати и подписи участников следственного действия.

Николай Валерианович открыл сейф и положил на стол несколько конвертов. Клапаны конвертов были опечатаны оттисками клише печати и подписаны понятными, под клапанами были выполнены пояснительные надписи и полный комплект подписей участников.

– Такой конверт достаточно сфотографировать только с одной стороны, – пояснил следователь, – если подписывать конверт с другой стороны, то даже при наличии фотоснимков остаются сомнения, а тот ли это конверт, его это обратная сторона или другого конверта. А в уголовном деле...

– Сомнений быть не должно, – хором продолжили ребята.

– Николай Валерианович, – Серафима покачала головой, – получается, что фотосъемка в уголовном деле выполняет массу всевозможных функций и решает множество задач. Кажется, нет ничего проще, всего то нажимаешь на кнопку и все.

– Подожди, – осадил подругу Сергей, – получается, все эти задачи фотосъемка может решать не только в уголовном деле, но и в гражданском. Значит, прав был адвокат, фотосъемкой должен владеть любой грамотный юрист.

– Вот и молодцы, – подвел итог старый следователь, – осталось еще одно важное дело и пора по домам, день сегодня выдался очень хлопотный.

– Какое важное дело? – встревожились студенты.

– Вот такое, – следователь положил перед каждым по листку бумаги с распечатанным текстом, – это подписка о неразглашении материалов уголовных дел, вам нужно ее заполнить и расписаться.

– Зачем, – удивился Сергей, – мы же и так никому ничего не расскажем.

– Мне так спокойнее будет, – грустно вздохнул следователь, – вы ребята очень хорошие, давно у нас в отделе не было таких толковых помощников. У меня помощников не было уже много лет. Дело в том, что очень давно у меня был помощник, студент юрфака. Однажды мы расследовали очень сложное дело, а он, как оказалось, обсуждал его со своими однокурсниками, среди которых был сын адвоката, защищавшего одного из обвиняемых. Произошла утечка очень важной информации и дело развалилось. Мы потом выяснили, через кого и как именно произошла утечка. Парень сильно расстраивался, злого умысла у него не было, было просто желание обсудить интересное дело, а о возможных последствиях он не подумал. Через неделю мой помощник и сын адвоката погибли в странной автокатастрофе. С тех самых пор помощников у меня больше не было, вы первые. Подписка нужна и вам, чтобы вы думали о том, с кем и о чем вы разговариваете, где и что обсуждаете. Уголовные дела нельзя обсуждать вне следственного отдела. На улице, в транспорте, да и в университете вас могут случайно или специально услышать те, для кого эта информация представляет интерес.

– Николай Валерианович, – Сергей серьезно посмотрел на следователя, – извините меня, вы правы. Я согласен дать такую подписку.

– И я согласна, – Серафима взяла ручку и следом за Сергеем стала заполнять бланк подписки.

Подписав документы и поставив даты, ребята передали их следователю, который убрал бумаги во внутренний ящик сейфа и запер на ключ.

– Спасибо, – с чувством произнес старый следователь.

Из сейфа Николай Валерианович достал два ключа с брелоками и положил перед ребятами.

– Это ключи от кабинета, пусть будут у каждого из вас. Что где лежит, вы уж знаете, куда убирать одежду и вещи тоже. Я бы вам посоветовал принести себе по чашке, чтобы было из чего пить чай. Кофе я не люблю, поэтому у меня его нет, но вы можете принести для себя. Так что будьте как дома, но не забывайте, что вы в следственном комитете.

Ребята взяли ключи, на брелоках оказались их имена «Сергей» на одном и «Серафима» на другом. Получалось, что старый следователь принял решение уже давно и даже успел подготовить ключи. Найти брелок с именем Сергея было легко, а вот брелоков с именем Серафимы ребята не встречали. Присмотревшись, Сергей понял, что оба брелока были изготовлены на заказ в граверной мастерской, и его и без того высокое уважение к старому следователю взлетело до небес. Каждый из ребят в душе пожелал себе стать таким же профессионалом, как Николай Валерианович.

Глава 7. Измерение, планы, схемы, зарисовки, или зачем юристу знать естественные науки

На следующий день после занятий ребята отправились в отдел. Николай Валерианович их ждал и сразу же загрузил работой. Нужно было составить описи по трем делам, съездить с запросами в архив суда и информационный центр ГУ МВД. Все это следователь велел сделать до половины пятого и быть к этому времени в кабинете. Ребята разделились, Серафима осталась составлять опись и сшивать дела на станке, а Сергей отправился с запросами, каждый из которых был снабжен пометкой срочно.

В назначенное время ребята собрались в кабинете. Сергей прибежал за несколько секунд до того, как стрелки часов, висевших на стене кабинета, показали 16 ч. 30 мин. Старый следователь уже проверил описи, составленные Серафимой, и ждал Сергея.

– Николай Валерианович, копии приговоров будут готовы только к четвергу, справки из информцентра сделали сразу, – отчитался парень, протягивая два запроса формы №126.

– Спасибо, – следователь внимательно изучил записи и ксерокопии карточек, отпечатанные на оборотной стороне запросов.

– Это данные оперативно-справочного учета лиц, осужденных к лишению свободы, – пояснил следователь, прочитав вопрос на лицах ребят. – Получается, что один осужденный отбывает наказание в нашей области, а второго отправили в Соликамск. Завтра поеду в колонию, нужно с ним побеседовать.

– Вы хотели сказать допросить? – уточнила Серафима.

– Хотел бы сказать – сказал, – следователь посмотрел на удивленные лица студентов и рассмеялся.

– Ребята, вы думаете, что вся работа следователя – это только производство следственных действий? – увидев, что они кивнули, следователь развеселился еще больше.

– Жесткое следование требованиям УПК необходимо только при производстве следственных действий или проведении доследственной проверки. В данный момент у меня нет в производстве уголовного дела, по которому я могу допросить этого человека, как нет и проверочного материала. Уголовно-процессуальный закон не запрещает мне побеседовать с любым человеком. Я не могу вызвать его для допроса, для этого у меня нет оснований, но вполне могу поехать к нему сам и попытаться разговаривать. Мы с вами предполагаем, что этот человек осужден за то, чего не совершал, но прежде чем начинать процедуру пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам, нужно узнать его позицию, возможно, связаться с его адвокатом. Также необходимо побеседовать с оперативниками в колонии, начальником отряда, понять, чем и как этот человек живет, что он из себя представляет.

Пока ребята переваривали выданную следователем информацию, он спокойно собрал со стола все уголовные дела и документы и убрал в сейф.

– Доставайте ваши отчеты, – Николай Валерианович весело посмотрел на пораженных ребят, – продолжим работу над ошибками, а то у вас всего три недели до пересдачи.

– А как вы об этом узнали? – пораженная Серафима, уже готова была признать старого следователя ясновидящим.

– От вашего преподавателя, – Николай Валерианович поспешил разочаровать девушку, – я ему звонил, когда собирал информацию о вас.

– Николай Валерианович, – Серафима вспомнила замечание преподавателя про практиков, – нас предупредили, что все должно быть сделано в соответствии с требованиями УПК и криминалистической науки, а не «как обычно».

– Я знаю, что хотел сказать ваш преподаватель, но к нам это не относится, – старый следователь серьезно посмотрел на ребят. – Лично я всегда стараюсь делать все строго по закону. Думаю, вы это уже заметили, так что все у вас будет правильно.

Ребята немного успокоились и разложили на столе свои отчеты.

– Сегодня мы с вами посмотрим ваши протоколы осмотра и схемы, – предложил Николай Валерианович, – там есть много ошибок.

– Это точно, – согласилась Серафима, рассматривая схемы в своем отчете, перечеркнутые красным маркером, украшенные знаками вопросов и грозной резолюцией «Переделать полностью».

– Зачем нам нужно уметь рисовать эти схемы? – вздохнул Сергей, – я вот читал в американском детективе, что у них схемы рисует специальный картограф.

– Жаль, что у нас нет должности полицейского картографа, – серьезно заметил Николай Валерианович, – но и в этом случае тебе пришлось бы все это изучать.

– Почему? – удивился Сергей.

– Потому что без знаний и навыков составления схем, ты не сможешь их читать и не сумеешь проверить, правильно ли все изобразил картограф, – сообразила Серафима.

– Верно, – поддержал девушку следователь, – на самом деле, это совсем не сложно, в нашей стране этому учат в средней школе. Наверно поэтому и нет необходимости содержать картографа в каждом отделе, с другой стороны хотя бы один специалист на область все же должен быть.

– Для грамотного, всестороннего и объективного производства осмотра места происшествия следователю, да и любому грамотному юристу, необходимы знания нескольких предметов из общей школьной программы. Как вы думаете, каких?

– Юристы относятся к гуманитариям, – начал Сергей, – значит, нам необходимы гуманитарные предметы: русский язык и литература, обществознание, история, а все остальное не нужно.

Следователь посмотрел на Серафиму, девушка кивнула, полностью поддерживая друга.

– Вот поэтому у вас ничего и не получается, – Николай Валерианович сердито стукнул ладонью по столу. – Юрист в своей работе вынужден соединять знания гуманитарных предметов и естественных. Ведь преступления и другие юридически значимые события происходят в материальном мире. Если вы не знаете основ физики, то вы не поймете, как и почему возникают механические следы или как работает оптика фотоаппарата. Если не знаете биологии и химии, вы не разберетесь с этими группами следов. Если вы не знаете геометрии, то не сможете правильно провести измерения и «привязать» предметы и следы. Если вы не знаете географии, то не сможете рисовать и читать карты, и не сориентируете место происшествия в пространстве. Если вы не знакомы с основами черчения, то вам будет тяжело составлять схемы, планы и зарисовки. Если вы незнакомы с алгеброй и математическим анализом, то у вас будут проблемы с построением версий, логических схем расследования, поиском причинно-следственных связей.

Ребята озадачено посмотрели друг на друга. Мечта стать следователем к каждому из них пришла еще в школе. Они запоем читали и смотрели детективы, играли в «казаки-разбойники» и «Ночной дозор». Решив еще в 8 классе поступать на юридический факультет, оба сосредоточились на изучении гуманитарных предметов, необходимых для поступления. В их школьных аттестатах по алгебре, геометрии, физике, химии, биологии, географии стояли четверки и пятёрки, но содержание школьной программы они забыли начисто.

– Как же нам теперь быть? – ребята сильно расстроились.

– Вспоминать то, что знали, – лукаво посмотрел на них следователь, – психологи считают, что человеческая память тотальна и помнит все.

– Нам теперь что же все школьные учебники перечитать? – сердито спросил Сергей.

– Ну зачем же все, только те, что необходимы, – рассмеялся следователь.

– Ладно, – сжалился он, отсмеявшись, – давайте я вам немного подскажу. Начнем с понятия «привязки» предмета к местности. Вы уже знаете, что «привязать» предмет – это значит точно зафиксировать его расположение на месте. Как это сделать?

– Преподаватель объяснил нам, что привязка осуществляется до двух неподвижных точек, – начала Серафима, – это означает, что мы выбираем две неизменные точки и измеряем расстояние от предмета до этих точек, а еще расстояние между самими точками, вот только зачем, я не знаю.

– Про это объясню чуть позже, – улыбнулся следователь, – а что может быть такой неподвижной точкой?

– Например, угол здания, – начал перечислять Сергей, – одиноко стоящее дерево, опора линии электропередачи или световая опора, да мало ли что.

– Хорошо, а в помещении?

– Углы помещения, стены, окна, двери, – продолжил парень.

– Подожди, – вставая, перебил его следователь, – вот смотри, это мой карандаш, я кладу его на пол. Вот дверь в кабинет, как ты будешь проводить привязку?

– Измерю расстояние от карандаша до двери.

– Вот тебе рулетка, измеряй.

Взяв протянутую ему рулетку, Сергей опустился на корточки около карандаша. Вся его уверенность уже испарилась. Приложив начало рулетки к острию карандаша, Сергей развернул ее до дверного полотна.

– Ну, вот как-то так, – парень посмотрел на рулетку, – получилось 1 метр 10 сантиметров.

– А если открыть дверь, тогда как? – лукаво поинтересовался Николай Валерианович.

– Точно, – вспомнила Серафима, – дверь и окно не являются неподвижными точками, нас же преподаватель предупреждал. Неподвижной точкой будет угол дверного или оконного проема.

– А стена будет неподвижной точкой? – последовал новый вопрос.

– Будет, – буркнул Сергей, – она же в отличие от двери никуда не двигается.

– Тогда покажи мне эту самую точку? Привяжи карандаш к стене.

– Да запросто, – Сергей развернул рулетку к стене.

– Подожди, – остановил его следователь, – а почему ты измеряешь именно до этой точки, чем вон та или другая хуже?

– Ну, так же ближе, – попробовал объяснить Сергей.

– А мне кажется, что вот так ближе, – упорствовал следователь, – это тоже точка, чем она хуже?

– Николай Валерианович, – Серафима поспешила затупиться за друга, – вы точно как наш преподаватель криминалистики. Он тоже над нами издевается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.